

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЖАНРОВЫЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫЛИЧКИ КАК ЖАНРА НЕСКАЗОЧНОГО ФОЛЬКЛОРА.....	7
1.1. Особенности структурно-речевой организации текста быличек.....	9
1.2. Лексика быличек с текстообразующими свойствами	16
1.3. Лексические и грамматические средства выражения прагматической направленности былички	20
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫЛИЧЕК ПРИКАМЬЯ.....	26
2.1. Семантические особенности пермских Быличек	26
Стилистические особенности.	28
Синтаксические особенности.	29
2.2. Специфика текстопостроения в Пермских быличках	31
Лексические особенности	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	62

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XX века, в связи с развитием системного подхода к анализу культурных явлений, происходил рост интереса ученых разных специальностей к проблемам описания традиционного архаичного мировосприятия, что привело, в том числе, к активизации деятельности фольклористов. Несмотря на это, жанр былички из-за отсутствия достаточного объема записей оставался долго на периферии филологических проблем и задач.

Только в 1960-х годах данный феномен привлек активное внимание ученых, так в "Краткой литературной энциклопедии" мы находим следующее определение понятию "быличка": "в народном творчестве короткий рассказ сказочного характера о встречах с "нечистой силой", о найденных кладах, о невероятных происшествиях" (КЛЭ. Т. 1. Стлб. 799). Неполнота представленной дефиниции не вызывает сомнения, и стоит отметить, что большая часть появлявшихся в XX веке исследований, посвященных быличке, касалась именно поэтики и теории этого фольклорного жанра (см. работы В. К. Васильева, Е. С. Ефимовой, В. П. Зиновьева, Н. А. Криничной, Е. М. Мелетинского, С. В. Мишанича, Э. В. Померанцевой, И. А. Разумовой, Т. И. Сенькиной, Т. В. Цивьян, О. А. Черепановой, К. Э. Шумова).

На рубеже веков с развитием междисциплинарных связей и усовершенствованием научных подходов родилась потребность и возможность изучить и описать традиционное мировосприятие и культуру под новым углом, что дало толчок к появлению новых исследований фольклора (Разумова 1993, Душечкина 1995, 5-19; Мигунова 2002, 243-265; Виноградова). На сегодняшний день лингвистических работ, посвященных быличкам, не так много, наиболее яркими из них представляются труды С. В. Волкова, Е. С. Ефимовой, О. В. Санниковой, где описывается семантическая структура текста былички. Интерес вызывает также работа О. А. Черепановой, в которой произведен разбор лексических групп быличек и исследование И. И. Русиновой, анализирующей формульные выражения.

Актуализирует значимость изучения феномена былички и тот факт, что данный вид несказочной прозы и сегодня остается продуктивной жанровой моделью, что делает задачу изучения языка и организации подобных текстов еще более значимой при попытках описания как архаического мировосприятия, так и современного мировоззрения.

Важно отметить, что былички собирались и издавались в основном согласно территориальному принципу, но при этом исследований, характеризующих локальную специфику текстов данного жанра, практически нет. В качестве исключения, хочется отметить работу С.Е. Волосковой "Севернорусская быличка: структура текста; языковые характеристики жанра". вопрос о локальной специфике бытования жанра практически не ставился. Таким образом, можно утверждать, что территориальные особенности жанра былички и ее языковые варьирования представляются достаточно **актуальным** научным вопросом.

Известно, что Прикамье объединило на своей территории представителей совершенно различных мировоззренческих категорий, но при сосуществовании на одной территории, в одном климате, при сходстве занятий, бытовых и экономических условий, произошло сближение и взаимопроникновение совершенно разных культур, что и стало причиной уникальности культурного облика Пермского края.

Специфичность и синтетический характер традиций Прикамья, в том числе фольклора, позволяет говорить об актуальности исследования данной категории, причем в различных аспектах: лингвистическом, историческом, этнографическом, культурологическом.

В нашей работе мы предпринимаем попытку восполнения ряда пробелов в изучении уникальности быличек Прикамья через анализ языковых особенностей.

Тема нашего исследования, таким образом, звучит как: «Языковые особенности русской былички в прикамской фольклорной традиции».

Актуальность данной работы определяется, в том числе, и необходимостью сохранения культурного наследия Прикамья во всей широте его многообразия. Сегодня происходит уход от собственных корней, утеря самоидентификации, что приводит к ряду проблем, как социального характера, так и психологического, поэтому вопрос сохранения своей культуры, мы считаем, поднят очень своевременно.

Целью данного исследования является выявление языковых особенностей жанра былички в рамках локальной традиции Прикамья.

Цель исследования определила **ряд задач**, которые предстояло решить в нашей работе:

- Анализ и изучение научной литературы по вопросам жанра и языковых особенностей быличек;
- Выделение семантических характеристик исследуемого жанра с точки зрения прагмалингвистики.
- Анализ функционально-грамматической специфики текстовой структуры быличек;
- Уточнение понятия жанра былички и уникальность быличек Пермского края в рамках русского фольклора на основании лингвистического анализа былички как текста.

Предмет исследования - это принципы и правила организации текста былички, а также способы номинации персонажей.

Объектом нашего исследования являются тексты быличек, собранных на территории Пермского края. В качестве материала в работе использовано 224 текста из архивов ПГУ и сборник "Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX-XX вв. : сборник фольклорных материалов".

Хронологические рамки исследования охватывают конец XX века – XXI век. Территориальные границы включают в себя как город Пермь, так и загородные населенные пункты Пермского края.

В качестве **методологической основы** исследования нами были использованы труды как классиков фольклористики, так и исследователей народной культуры: П.Г. Богатырева, В.Я.Проппа, А.Н.Веселовского, Д.К.Зеленина, А.Ф. Лосева, С.В.Максимова, Э.В.Померанцевой. В процессе исследования нами были использованы как общенаучные **методы**: сравнительно-сопоставительный и описательный, так и лингвистические: функционально-семантический, морфологический и коммуникативно-прагматический анализ, что позволило выявить специфические языковые черты рассматриваемых текстов.

Структура работы обусловлена ее замыслом и включает в себя введение, две главы, заключение, список используемых источников и приложения с текстами. Во введении мы раскрываем актуальность темы, выделяем объект и предмет исследования, обозначаем цель работы. Первая глава посвящена теоретическому осмыслению жанра былички как таковому, выявлению его лингвистических особенностей. Во второй главе мы проводим лингвистический анализ отобранного материала. В заключении представлены выводы по проделанной работе.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Данная работа содержит новую информацию о языковых особенностях жанра былички и отражает специфику народной культуры Пермского края, что может быть использовано в дальнейшем как для более подробного лингвистического анализа исследуемого жанра, так и для изучения уникальности фольклора Прикамья.

Материал нашей работы может быть употреблен в педагогической деятельности для разработок спецкурсов по краеведению, культурологии или фольклору.

ГЛАВА 1. ЖАНРОВЫЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫЛИЧКИ КАК ЖАНРА НЕСКАЗОЧНОГО ФОЛЬКЛОР

В данной главе анализируют жанровые и композиционные особенности и функции былички, обзор уже имеющихся работ. В своей работе я буду опираться на работы ученых Душечкиной Е.В., Разумовой И.А., Померанцевой Э.В., Харузиной В.Н., Волосковой С.Е. и др.

Быличка относится к текстам, кодифицирующим поведение сельского жителя. Она ориентирует слушателя в опасной обстановке столкновения со сверхъестественным. Слушатель должен поверить в реальность описываемого факта. В связи с этим установка на достоверность повествования становится одним из главных жанровых признаков былички. Померанцева Э.В., считает, что в традиционном виде жанр былички – это рассказ небольшого объема, в котором представлен конкретный случай встречи с мифологическим существом. В плане когнитивной функции данного жанра мы говорим об установке на достоверность произошедшего. Основной цель былички – «доказать, утвердить, обосновать то или иное верование». [30, с.235-254]

Ну а, например, Зиновьев В.П. ставит во на первое место дидактическую функцию, считая, что «главная социально-бытовая функция былички, имеющая практический характер, - «предупредить» человека о возможной встрече со сверхъестественными существами, сообщить об их свойствах с целью научить, как нейтрализовать вредные действия этих существ» [19, с. 395]. Ученый Шумов К.Э. считает, что главная функция былички информационная и состоит она в том, чтобы закрепить и передать непосвященным корпус правил, запретов и предписаний, относящихся к сфере норм поведения.[43, с. 210-218]. Практически те же функции былички, а именно информативную и дидактическую, выделяет в своей работе и И.А. Разумова со ссылкой на Э.В. Померанцеву [32, с.75-81]. Говоря, что «мифологический рассказ исполняется с целью информации и бытового назидания о правилах общения с представителями потустороннего мира».

При этом Разумова И.А. указывает и на эмоциональную функцию былички, но при этом не уточняет, как же она соотносится с первыми двумя: «Быличка предостерегает, стремится поразить и испугать слушателя, вызвать сильное эмоциональное чувство». [35, с. 5-6]

Виноградова Л.Н. также выделяет все названные функции, только на третье место ставит эмоциональную функцию. Первая – информативная (сохранить в коллективе информацию о потусторонних силах, которые соседствуют с человеком), а вторая дидактическая (предупредить об опасности, обучить слушателей правилам поведения и общения с нечистой силой,) [8, с. 12-13].

Практически все исследователи славянской мифологии выделяют эмоциональную напряженность, как постоянную категорию былички, отличающую ее от других видов мифологического текста.

Отмечая важность эмоционального переживания в ситуации рассказывания былички, почти все исследователи, однако, в иерархии коммуникативных функций отводят ей или третьестепенное место или вообще рассматривают его как некое внешнее по отношению к тексту «обрамление» былички, своеобразную эмоциональную ауру, которая является результатом, «продуктом» рассказа о мистическом событии.

В основе былички всегда лежит личностное «Я», которое познает, оценивает и интерпретирует происходящие с ним события (в том числе и столкновения с иномирным), мир былички - это мир, увиденный глазами одного человека с его личным жизненным опытом и человеческим восприятием этого мира (безусловно, что этот личный опыт вписан в рамки той традиции, к которой принадлежит эта личность). Личностную позицию былички важно подчеркнуть потому, что в основе личного познания мира всегда лежит эмоция. Психология социального познания интерпретирует эмоции «как более высокий уровень познания, одним из аргументов чего является ссылка на то, что они проявляются на самых ранних этапах восприятия, т.е. раньше других, более «когнитивных» элементов знания. В

частности, именно эмоции обеспечивают с самого начала в процессе познания оценивание и предпочтения» [22, с.141]. Таким образом, эмоция в быличке связана не только с переживанием (и сопереживанием) страшного, но также с выработкой «правильного» оценочного отношения к мифологическим явлениям - а это уже является важной социальной информацией (*что страшно, что не страшно, чего следует бояться больше и т.д.*).

Подытоживая, можно сказать, что изучение быличек в фольклористике начинается относительно поздно по сравнению со многими другими фольклорными жанрами. Поэтому к настоящему моменту ряд проблем, связанных с особенностями способа изложения информации о сверхъестественном в быличке, не получил достаточно полного освещения.

Так, нет пока однозначного определения былички, поскольку исследователи по-разному подходят к вопросам о том, что считать собственно быличкой, какой признак избрать в качестве жанрообразующего, какую функцию считать основной для жанра.

1.1. Особенности структурно-речевой организации текста быличек

О композиции текстов быличек, с точки зрения структурной и сюжетной организации, этот жанр характеризуется следующими признаками: линейность сюжета; двух- или трехчастная композиция; в основе сюжета – амбивалентность реального и сверхъестественного; кульминацией рассказа является столкновение человека с фантастическим персонажем. [26, с. 26]

Как заметила В.Н. Харузина еще в 1929 г., что особенности былички как речевого жанра определяются, прежде всего, спецификой коммуникативной ситуации, в которой она существует в реальной традиции и которая достаточно далека от той весьма искусственной ситуации интервью собирателя с информантом, в которой чаще всего записываются былички при полевой работе. Такое интервью не просто является неестественной средой рассказывания былички (особенно при работе

малоопытного собирателя), оно вызывает искажение структуры порождаемого текста и неточное, превратное восприятие собирателем того, что рассказал ему информант [39, с.47-57]. Об этом в своей работе написала Душечкина Е.В. в 1995 г, - «бережный исследователь и тонкий знаток народной словесности, впервые обратила внимание на то разрушение фольклорного текста, которое происходит при исполнении его «на заказ» - когда фольклорист производит запись не в естественной обстановке (в определенное время и в своем кругу), а в обстановке случайной и не соответствующей данному рассказу. Время и текст оказываются прочно связанными... То, о чем можно говорить вечером, не подходит для утра; то, о чем повествуется в течение одного календарного периода, неуместно для другого» [14, с. 5-19].

Для «классической» ситуации рассказывания былички чрезвычайно важным является речевое поведение участников общения, распределение ролей между ними в рамках «быличкового» диалога. Именно жанровые особенности беседы, предполагающий смену реплик собеседников, создают необходимые условия для цикличности рассказывания быличек. Зиновьев В.П. в своей работе «Жанровые особенности быличек» писал, что «в отличие, например, от сказок, былички исполняются многими из присутствующих, при этом рассказываются по очереди... Циклы строятся из произведений на одну тему» [18, с.40].

И.А. Разумова справедливо сравнивает ситуацию рассказывания былички с ситуацией бытования анекдота [35, с.6], также предполагающую цикличность рассказывания, смену реплик участников общения в виде ответных анекдотов нередко на ту же тему.

Статусное равенство в ситуации рассказывания былички вовсе не предполагает возрастной, половой, социальной, образовательной и т.д. идентичности собеседников - это равенство умеющих рассказывать былички и понимающих друг друга с полуслова собеседников, в одинаковой степени включенных в традицию. Таким образом под равенством статусов

собеседников мы понимаем равное владение ими приемами речевого жанра былички.

Особенности организации текста современной былички, как считает Т.С. Степичева, заключаются в том, что текст былички представляет собой многослойную структуру, в состав которой входят элементы, воспринятые из различных речевых сфер. Основу текста былички составляет речевая структура, организованная по законам устной разговорной речи, с ее прозаической формой, соответствующим уровнем спонтанности, пространственно-временной конкретностью, выраженной в использовании определенных форм личных и притяжательных местоимений (*со мной был случай..., у нас одна женщина рассказывала..., наша соседка однажды...*) и т.д. В тексте былички используются также цитируемые рассказчиком реплики персонажей, используемые в целях театрализации повествования а также полифонические включения, являющиеся маркерами данного жанра. Обязательны повторяющиеся структурные элементы - формулы: *с тех пор, с этого времени и др., указания места, времени* [37, с. 44-46].

Достоверность при повествовании о сверхъестественном предопределяет своеобразие места былички в системе фольклорных жанров. Столкновение реального и ирреального общий признак былички и сказки, реализующийся на уровне сюжета, мотива, персонажной системы. Повествование о чудесном объединяет быличку с христианской легендой. Установка на достоверность характерна для былички и исторического предания, бывальщины. Повествование от лица очевидца - сближает быличку и бытовой рассказ. Общность прагматической задачи - дать образец правильного поведения - включает быличку в группу текстов, кодифицирующих поведение наряду с поверьем, приметой, запретом. Лингвистический анализ былички выявляет отражение своеобразия жанра на уровне текста. Результаты этого анализа способствуют решению практической задачи - определению места былички в фольклорной системе.

В своей работе, в качестве единицы структурно-семантического анализа былички, мы будем опираться на идеи Волосковой С.Е. В качестве анализа былички был избран фрагмент текста былички, выполняющий определенную функцию, обладающий характерным содержанием и тяготеющий к типизированному способу выражения этого содержания, или, по терминологии С.Е. Волосковой, субтекст [12, с. 8]. Вслед за ней мы выделяем в быличке субтексты 4-х типов:

Меморатно-ориентированный субтекст (МОС), повествование от первого лица, рассказчик является очевидцем (участником) излагаемых событий. Это меморат в традиционном понимании (термин обозначает фольклорный рассказ о событиях, воспринимающийся как достоверный и основанный на собственных воспоминаниях рассказчика):

- Легла я на печку. Кто-то меня за пятки взял. Несколько часов прошло. Нина идет: «У вас тетка умерла». Это суседко был - к несчастью. (Зап. от Мельниковой Р.П., 1935 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 89);

- Я на покосе свекрови помогала сено сушить, вот и развалила его, а сама думаю: «Дай в лес схожу, покуда оно сохнет», а на время я совсем не посмотрела и пошла в лес. А время то было страшное, с 13.00ч. до 14.00 – в аккурат нечистый в лесу пошаливает. Вот прибежала в лес и вижу место незнакомое: поляна какая – то и малины видимо – невидимо, а деревья такие высокие и сосны качаются как на кладбище. Ох, и испугалась я тогда и убежала, а на другой день с дедом пошла и места этого не нашла. Вот ведь как леший меня напугал. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.).

Фабулатно-ориентированный субтекст (ФОС) – сверхъестественная история, которая излагается без ориентации на рассказчика, функция которого заключается в передаче событийной информации другому лицу.

- Говорят, печка хранит. Ей никто не касался. Намажешь кресты на печке, а лежишь и боишься. (*Зап. от Усаниной Т. М., 1919 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 107*)

- Бывает такое, что домовый душит, тогда надо у него спросить к чему, а он уж ответит к добру или к худому. (*Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.*)

Называя эти субтексты меморатно- и фабулатно- ориентированными, мы опираемся на термины меморат и фабулат, предложенные Э. В. Померанцевой для былички и бывальщины. Так же эти термины используются Волосковой С. Е. в кандидатской диссертации «Севернорусская быличка: структура текста; языковые характеристики жанра» (Спб., 2004). Оба эти субтекста мы относим к событийно-ориентированным субтекстам, т. к. основное их содержание - изложение сверхъестественного события.

Эвиденциальный субтекст (ЭС) – субтекст, название которого связано с категорией эвиденциальности, под которой понимается указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемого. Назначение этого фрагмента - рассказать слушателю о лице, от которого получены сведения об ирреальном событии, и тем самым служить средством создания достоверности повествования. Обычно в этом блоке упоминается имя конкретного человека, сообщившего рассказчику о факте события, указывается ею половозрастная характеристика, иногда - профессия, социальный статус; может указываться степень родства этого лица с рассказчиком. Возможны также указания на время, когда сверхъестественное событие имело место, а также на пространственные характеристики, либо связанные с самим событием, либо каким-то образом соотнесенные с "перворассказчиком".

- У мамы дедушка был, а у дедушки дедушка был. Он был лесовщик. И вот пошел он в Черепаново. Рассказывает, ниоткуда возьмись гроза. Загремело, загремело. А я встал под дерево у берега реки. Гляжу, черт в реке.

Как грянет, и только перестанет греметь, черт высунет жопу из воды, подымет кверху и начинает бога дразнить. Жопой вертит, трясет и кричит: «Лю-лю-лю-лю-лю!». А тут как опять гроыхнет, молния прямо по воде. Черт перестанет. А потом опять дразниться начинает. Я терпел, терпел, а потом вспомнил, что медью в нечисть стреляют. Оторвал пуговицу, зарядил ружье и выстрелил в черта. Убил его. Вижу поплыл он по течению и кровь возле него. Потом смотрю, кто-то на лодке плывет и воет. Смотрю, а это водяные, они затащили черта в лодку, сами воют. Вскоре он и умер. (Зап. от Пироговой Е. Р., 1913 г.р., д. Драчевка, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 134, т. 136)

- Дед когда – то рассказывал, будто бы его домовый душил, он тогда его и спросил: «К добру или к худому?», а домовый ему ответил: «Ху!». Дед тогда это никому не рассказал, а вечером корова померла, и вовсе здоровая это корова была, и что с ней случилось никто так и не узнал. (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

Вербальной реализацией эвиденциального субтекста являются эвиденциальная рамка и эвиденциальное включение. В первом случае эвиденциальный субтекст обрамляет событийный субтекст, во втором - разрывает его.

Традиционный субтекст (ТС) субтекст, в котором представлены традиционные знания. Это изложение в тексте былички фрагмента традиционной картины мира: представление значимого (чаще всего опасного) персонажа, локуса, времени, или действия, а также указание на необходимый или запрещаемый в данной ситуации тип поведения человека. В ТС рассказчик выполняет важнейшую коммуникативную функцию передачи традиционных знаний слушателю.

- На Иванов день папоротник ищут. Надо уйти далеко в лес, чтобы петухов не слышать. Вот мужик один ушел, смелый, на Иванов день. Сидит в лесу, пока время не подошло. Вдруг глядит, откуда ни возьмись люди появились, такие страшнущие. Видится ему, что люди говорят:

- Че будем с ним делать?

- Давай захороним.

Они гроб сделали, смеряли мужика – ноги не входят.

- Давай, - говорят, - ноги отсекем.

Мужик испугался. Проснулся, все дело пропало. Не надо было пугаться. Ему только привиделось, ничего бы с ним не сделали, его только так пугали. (Зап. от Вяткина Н.М. 1929 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 160)

- Вздумал мужик сушить овин на Михайлов день. Гуменник, за такое кошунство, вынес его из «подлаза», на его глазах подложил под каждый угол овина головешки с огнем и столь застрашал виновного, что он за один год поседел как лунь. (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

Как правило, текст отдельной былички является комбинацией варьирующихся (от 1 до 4) субтекстов, наиболее адекватно, с точки зрения рассказчика, отражающей всю полноту передаваемого содержания.

Ядром сюжетного повествования в быличке являются событийно ориентированные субтексты. Они представляют собой непосредственное изложение единичного сверхъестественного события.

Повествование о сверхъестественном, представленное в событийных субтекстах, должно быть организовано таким образом, чтобы у слушателя возникла уверенность в достоверности предлагаемой информации. Обычно рассказчик сначала приводит такие сведения и факты, сомневаться в которых у слушателя нет оснований. Эти сведения касаются локально-темпоральной характеристики события и представления его участников, в число которых может входить и сам рассказчик.

При отсутствии эвиденциального субтекста представление участника события осуществляется иным способом. В вводной части событийного субтекста помещается сообщение, содержащее имплицитную информацию о передаче сведений о сверхъестественном событии от его

участника. Комплекс сведений, представленных до повествования о самом ирреальном событии, создает пресуппозицию к вводимой далее информации об ирреальном, после чего, обычно, вновь помещаются сведения, достоверность которых не вызывает сомнения: сообщение о дальнейшей, послесобытийной судьбе персонажа, локализация события (если этого не было сделано во вступительном фрагменте).

Таким образом, жанр былички, как отмечено рядом исследователей, характеризуется собственной системой речевой организации. Как отмечала Е.Е. Левкиевская (Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр. - <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm>), в отличие от сказки, которая бывает достаточно длинной и предполагает наличие рассказчика и пассивного слушателя, тексты быличек, как правило невелики и вполне укладываются в понятие “реплики”, которыми обмениваются участники диалога. В отличие от других видов мифологического текста (поверья и дидактического высказывания), быличка не может рассказываться вне эмоционально-оценочного “ореола”, дружеского, доверительного фона общения. Наиболее устойчивая характеристика жанра былички связана с тем, что она фиксируется в ситуации беседы. ... существует в свободном “речевом поле”, каждый раз отчасти меняя свою форму и структуру.

1.2. Лексика быличек с текстообразующими свойствами

По мнению Е.Е.Левкиевской, (Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр. - <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm>), текст традиционной былички, его структура имеет хронологическую обусловленность (в традиции наиболее характерна для значимых календарных дат, которые были связаны с активизацией “иномирных” существ - святок, троице-купальского периода и др.); значимо и то, что события в быличке происходят в «опасное» время суток (ночь, переход от вечера к ночи), в «опасных» локусах (баня, лес, река). Почти полное разрушение ритуальных (календарно обусловленных) ситуаций бытования мифологического текста все больше

сопровождается переходом их в бытовую сферу. Одновременно быличка все больше теряет дидактическую функцию и превращается в развлекательный жанр. Это обстоятельство не может не сказаться на языковом оформлении жанра.

Жанровая специфика текста былички диктует наличие в ее текстовой структуре полифонических включений, являющихся маркерами данного жанра (в его «классическом» варианте). Как исполнитель, так и слушатель каждого фольклорного жанра имеет определенные представления о форме осуществления данного жанра (что позволяет понимать его содержание соответствующим образом, отличая фольклорный текст от бытового, а также от текстов других жанров) [17, с.45-46]. Во-первых, большинство быличек характеризуется наличием повторяющихся структурных элементов, текстовыми маркерами которых могут выступать формулы: *с того самого времени, с этого дня, с тех пор* и др., указания места, времени (*д. Елога, 2003 г., лагерь «Орленок»*) и т.д. При этом данные элементы условно делят текст былички на три части: первая часть – описание хронотопа, вторая часть – основное действие, третья часть – его результат (*Дело было летом перед самым Семиком – начало рассказывания; много дней его искали, но так и не нашли. Вот с тех пор в этом лагере и стали происходить всякие странные вещи: по ночам стали слышны шаги, вещи передвигались, а вскоре этот корпус закрыли – финальная часть*).

С.Е. Волоскова считает текстообразующими следующие лексические элементы: номинация несверхъестественных персонажей, термины родства и свойства, антропонимы и топонимы, названия времени суток. Способ номинации персонажа может сохраняться на протяжении всей былички или изменяться по мере развертывания текста. Обозначение времени и места представляет собой хронотоп - изображение (отражение) времени и пространства в художественном произведении в их единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии. Термин введен М.М. Бахтиным.[4, с. 9].

Наиболее устойчивым компонентом текста былички является персонаж, вокруг которого объединяется весь остальной материал. Выбор именования персонажа предопределяется прагматическими установками повествования, влиянием экстралингвистических факторов, характером разговорной речи. Волоскова С.Е. выделяет следующие номинации несверхъестественных персонажей былички:

1) термины родства и свойства (эгоцентрическая номинация, ориентированная на рассказчика), например: *мой батя, мать, тётка, сноха, золовка, кума* и т. д.;

2) имена собственные, например: *Татьяна, Петровна, Ваша Лизка, Аннушка* и т. д.;

3) предикатная номинация (именование лиц по профессии), например: *пастух, кузнец, мясник, продавец* и т. д.;

4) имена существительные, содержащие в своем значении указания на пол и возраст (именования с половозрастной характеристикой), например: *девочка, один мужик, молодой человек, одна бабка, люди, свои* и т. д. - все эти способы (1-4) могут быть отнесены к прямой номинации;

5) местоименная (косвенная) номинация, например: *один, другая, он, она, сама*. [12, с.15-16]

Именования первых двух типов тяготеют к обозначению определенности, единичности и служат в первую очередь для создания достоверности повествования. Местоименное именование и именование с половозрастной характеристикой более неопределенны, они связаны, прежде всего, с дидактической функцией былинки (подчеркивают, что потенциальным объектом воздействия ирреальных сил является любой член социума). Предикатная номинация является относительно нейтральной.

Как отмечают исследователи, типичным для быличек является «загадочное равнодушие информанта к наименованию того мифологического явления, о котором он рассказывает... “размытость”, неясность имени события, о котором повествуется в быличке» (Левкиевская Е.Е. Быличка как

речевой жанр. - <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm>). (Работал он мельником, жена краску продавала. Он был заядлый гармонист. Выйдет на берег, ему говорят: «Смотри, только через левое плечо!» Он и видит- девки, волосы золотые. А посмотрит направо- никого не видит. (*Зап. от Мельниковой Р.П., 1935 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 81*))

В статье Мутиной А.С. указано, что в быличках нередко описываются предметы, выступающие в качестве заместителя духа-"хозяина" (например, в обряде приглашения домового используются глиняный горшок, старый лапоть, корыто). Повседневные, казалось бы, предметы, которые придают быту русского крестьянина особый колорит, согласно мифологическому мировосприятию, раскрываются с неожиданной стороны, обнаруживая свою сакральную сущность, свою магическую силу. Причем между предметами одушевленными и неодушевленными особой разницы нет. Отождествление живого и неживого, таким образом, одно из свойств первобытного мышления. В быличках чаще всего мы видим уже следующую стадию восприятия, когда предмет становится атрибутом, и, наконец, эмблемой, знаком-символом мифологического существа. [28, с.49.] Что касается способов локально-темпоральной характеристики сверхъестественного события, которая является важным фрагментом повествования в контексте былички. Она акцентирует внимание слушателя на достоверности события (т. к. является способом воссоздания фрагмента реальности на уровне текста) и на потенциальной опасности маркированных зон пространства-времени (и выполняет тем самым дидактическую жанровую функцию).

В первом случае пространственные и временные характеристики события ориентированы на уникальный момент в индивидуально-личностной истории рассказчика, связанный с определенным пространством. Время осознается как **линейное**. Во втором случае, при сообщении о маркированности пространства-времени как опасного для человека, ситуация

воспринимается как типичная, повторяющаяся. Время в этом случае осознается как традиционное, **циклическое**.

Темпоральная характеристика события осуществляется с ориентацией на рассказчика или без нее. В первом случае рассказчик располагает событие на временной оси собственной жизни (*Мне было семнадцать, восемнадцатый год пошел. Нас в семье было 7 детей. Я пошла спать на чердак...*). Если ориентации на рассказчика нет, временная точка может иметь приуроченность к знаковым, в традиционном понимании, ситуациям (рождение, смерть, болезнь, свадьба и т.п.). Такая точка отсчета времени соотносится и с приватной жизнью человека, и с жизнью традиционного социума (*В четырёх стенах сидела, как мужа схоронила, я болела, лежала, мне гораздо плохо было, а баба у меня сидела...*). Особым способом темпоральной характеристики сверхъестественного является маркирование события словами *однажды, как-то, раз, было, бывало, случай или их сочетаниями*. Этот способ ориентирован одновременно на линейное и циклическое восприятие времени, а также связан с переходом повествования в область чудесного, при этом собственно временное значение ослаблено. Приведем примеры: - *Как –то две женщины из Красновишерска шли, телят сдавали;* - *Однажды свадьба вот была. Свадьба за невестой приехала, а его за стол не посадили, колдуна...* При таком способе временной локализации события уровень достоверности становится более масштабным, чем при употреблении существительных и наречий со значением времени. [3, с.17-18]

В выводе по параграфу отметить, что исследователи отмечают особую **текстовую** роль номинаций рассказчика, локальной и темпоральной лексики.

1.3. Лексические и грамматические средства выражения прагматической направленности былички

Во время рассказывания страшных историй и быличек возникает особый настрой, усиливающий эмоциональное воздействие содержания,

этому способствует и обстановка: сумерки или ночь, темнота, "таинственная" интонация рассказчика.

Переход повествования в область чудесного маркируется с помощью лексем со значением внезапности (вдруг), сенсорного восприятия (вижу, слышу, чувствую) и их сочетания (вдруг слышу и т. п.).

Опираясь в своей работе на материал Русиновой И.И., можно сделать вывод, что переход повествования в область реального обозначается путем использования:

1) видовременных глагольных форм используется прием противопоставления результативного перфекта активным аориста (*Вот у нас девка была в деревне, так ее бабка колдуньей была, так она две недели помирала, так ее кружило, и только как потолочину выломали, только тогда померла*);

2) присоединительным союзом «и» (*Я жила один год в старой избе. Спать не могу. Слышу, как суседко сеет и сеет...Я потом и на чердак убегала... И задобрила... И всё прекратилось. (Зап. в с. Губдор Красновишерского р-на от Поповой Т. И., 1925 г.р.)*;

3) лексемой, фиксирующей положение сверхъестественной ситуации на временной оси: после, потом, с тех пор, больше (*Бабка одна в лес за малиной собралась, крышку от туяска искала, да не нашла и говорит: «Куда ты лешак, крышку дел?» Сказала это, ушла в лес и пропала. Долго ее не было, а потом в деревне кто – то кабалу написал и нашли ее, а она возле речки была, не могла ее перейти, а потом, когда кабалу прочитали, бабка пень пнула, и по нему прошла речку. (Таскаева Мария Филипповна, Кудымкарский район, пос. Веселый Мыс, 2009 г.)*

Такая расчлененная композиционная модель событийного субтекста позволяет адекватно передать осмысленную с традиционной точки зрения информацию о сверхъестественном событии. В то же время, расчлененная структура событийного субтекста отделяет такое повествование от бытового текста, не имеющего социально-прагматической значимости, а также от

другого событийного субтекста в пределах одной былинки. Событийный субтекст, в свою очередь, выступает элементом более крупной текстовой структуры (былички в целом). [36, с.23-29]

В тех случаях, когда отсылка к перворассказчику не имеет выраженной текстовой структуры, а осуществляется с помощью различных лексико-грамматических средств (муж у меня, мой отец и под.) целесообразно говорить об области эвиденциальных сведений. Например, *Муж у меня фураж возил, ночевал в одной деревне* - подчеркнута область эвиденциальных сведений. Рассказчик использует косвенное указание на источник сообщения в интродуктивном фрагменте событийного субтекста.

Субтекст представляет собой непосредственное изложение традиционных знаний:

- 1) объяснение событийной ситуации;
- 2) обобщенное резюмирование, констатация традиционного знания. С точки зрения языкового оформления следует отметить многообразие синтаксических форм, используемых в ТС;
- 3) простые двусоставные предложения бытийного типа (семантика существования);
- 4) быличные предложения, включающие модальные слова с запрещающей, разрешающей или предписывающей семантикой (нельзя - можно - нужно);
- 5) предложения, являющиеся синтаксической реализацией конструкций со значением обусловленности (сложноподчиненное предложение с придаточными условия, цели, причины и следствия; бессоюзное сложное предложение с теми же отношениями между компонентами; простые предложения и конструкции с прямой речью, выражающие те же отношения). Проиллюстрируем данные положения фрагментами быличек:

- *Домовой косы плетет. Любит, значит. Обрезать их нельзя. А если не любит, то корова, то лошадь пропадет. Так хлебушко, бражку в конюшню*

несут. (Зап. от Лучниковой Н. Е. 1910 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т.171)

(Курсивом выделено предложение бытийного типа с риторической задачей констатации факта, постулирующее существование сверхъестественного персонажа);

- Я с собой хозяина повела. Надо сказать: "Сама пошла, и мой хозяин со мной". Свой хозяин чтоб сюда пришел, а эти ушли совсем. Они на вторую ночь ушли... (Зап. от Горшковой Н. П., 1931 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 92)

(Курсивом выделена конструкция со значением предписания, дающего слушателю образец правильного поведения);

- Вот если младенец родился, его не успели крестить и он умер, он будет у бога, но в темном месте, свету не будет видеть. (Зап. от Усаниной А. Т. 1918 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 204)

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что наиболее характерным для ТС семантико-синтаксическим оформлением являются конструкции со значением констатации; предписания (предписывающая конструкция). При том основу предписывающих конструкции составляют безличные предложения, а в составе предложений, реализующих конструкции со значением обусловленности, наиболее употребительны обобщенно-личные.

Микросубтексты событийных субтекстов - сообщение о реальном и сообщение о сверхъестественном, а также переходы от одного типа сообщения к другому.

Сообщение о реальном формирует установку повествования на достоверность В этот фрагмент текста помещаются указания на место, время и участников сверхъестественного события, сообщается о его последствиях. Этот фрагмент текста обнаруживает тяготение к ЭС и ТС.

Сообщение о сверхъестественном является смысловым центром былички. В нем представлен ирреальный персонаж, названы его признаки и

способ сверхъестественного воздействия. Потусторонняя сущность персонажа репрезентируется в его номинации (домовой, русалка, дьявол, колдун и т.д.). Для указания на сверхъестественность происходящего рассказчик использует маркированные в традиции цвет и число:

- Однажды вышел, а под крыльцом красная змия, так и увиватся. А это дворовой. Так она толстая, красная... *(Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)*

Для повествователя важна традиционная предопределенность упоминаемых в текстах чисел и цвета. Она заставляет слушателя воспринимать всю излагаемую информацию в особом ракурсе: как достоверное повествование о сверхъестественном.

Подробно изучив материалы и опираясь на исследования в рамках функционально-семантического подхода в текстах быличек были выделены структурно-семантические единицы (субтексты). Содержание каждого субтекста было соотнесено с определенной жанровой функцией: информационной дидактической, эмоциональной. Описаны грамматические, прагматические, содержательные, характеристики субтекстов. Таким образом, в работе осуществлено комплексное описание функции и ее лингвистической реализации.

Коммуникативно-прагматическое направление позволило проследить зависимость текста от экстралингвистических факторов: степени неофициальности ситуации рассказывания, степени знакомства участников диалогического взаимодействия, уровня сохранения традиционных знаний. Кроме того, в рамках данного направления выявлено соотношение структуры текста с общей задачей жанра: передать традиционные знания новому члену социума, сохраняя их и пополняя новыми, вписывающимися в традицию фактами.

Быличка отличается своеобразным оформлением области эвиденциальных сведений, а также преимущественно выдерживаемым повествованием от первого лица, предопределяющим

способ номинации несверхъестественного персонажа и локально-темпоральную характеристику события.

Уникальность частного опыта рассказчика соотносит быличку с бытовым повествованием, в отличие от которого в качестве событийного ядра в быличке выступает повествование о сверхъестественном, вводящее данное сообщение в круг народной традиции.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫЛИЧЕК ПРИКАМЬЯ

Уже на этапе первого знакомства с быличками читатель или же слушатель получает совершенно чёткое представление о форме. Даже на бытовом уровне очевидно, что быличка — произведение достаточно краткое, до крайности обобщённое и связано с мистическим содержанием. Все три данных признака легко ложатся на классическую иерархию языковых уровней. Попробуем проследить эту специфику.

2.1. Особенности текстового оформления пермских быличек

Любое произведение традиционного фольклора в своей этимологии содержит ритуальную, а значит строго прагматическую семантику. Былички в этом смысле не исключение. Каждое произведение, пусть даже рассказанное в наши дни, сохраняет не только формальный канон, но и эти прагматические функции.

Прежде всего, речь идёт о функции предупреждения. Любая быличка, сюжетная или описательная, рассказывается для того, чтобы показать, что в мире существует неведомое и мистическое, та сила, которая может покарать за ошибки как мелкими проблемами (*Поехали мы свекрам помогать дом достраивать, чердак обустраивать, и подняли у нас мужики доски на чердак, а ночью, когда спать легли, Егор мне и рассказывает, будто бы загремело наверху что – то , кто – то заходил, муж мой и ни встать , и не сесть не может, только лежит да трясется от страха, а наутро с первыми петухами отцу все рассказал, а тот его заставил идти наверх да доски все эти в другой угол переложить, поскольку завалили место у домового* (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.), так и огромными: смертью, собственной или близкого человека (*Жила у нас старая девка, незамужняя; звали ее Ольгой. Ну, все и ходил к ней дворовушко спать по ночам, и всякий раз заплетал ей косу и наказывал: «Если ты будешь ее расплетать, да чесать, то я тебя задавлю». Так она и жила нечесой до 35 годов, – и не мыла головы, и гребня у себя не держала.*

Только выдумала она выйти замуж, и когда настал девичник, пошли девки в баню и ее повели с собой, незамужнюю ту, старую девку, невесту ту. В бане стали ее мыть. Начали расплетать косу и долго не могли ее расчесать: так-то круто закрепил ее дворовушко. На другое утро надо было венчаться – пришли к невесте, а она в постели лежит мертвая, и вся черная: дворовушко ее и задавил. (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.).

Другой прагматической функцией становится функция передачи знаний. Она проявляется и в сюжетных быличках, в виде действий героев, которые, очевидно, приводят к плачевным последствиям, или в виде коротких ремарок самих рассказчиков в финале (*В зимнее время, в запарку, ездили. Возик наклали. Лошадь уперлась. Раз уперлась. По полям, по полянке – тоже не хочет. Вытолкали ее на дорогу. Как третий круг сомкнула, как понеслась. Я за ней – бегом. В ворота врезалась. Я одна пришла. Кто -то нас тогда отправил нехорошо. Кто – то проклял, наверное.* (Зап. от Мельниковой Р.П., 1935 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 83)).

Наиболее явно характерна, выраженная в описательных быличках и быличках-советах функция предупреждения, поучения. Основная цель таких быличек, не сама история, а советы по верному исполнению ритуальных действий (*Бывает такое, что домовый душит, тогда надо у него спросить к чему, а он уж ответит к добру или к худому.* (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.)).

Стоит отметить, что часто объектом описания быличек становятся проклятия. В этих случаях структура немного смещается, из неё исчезает мифологическое существо как таковое, а реципиент вовлекает персонажа третьего типа в общение со сверхъестественным. С другой стороны, его может заменять сама способность проклинать, при таком взгляде структура остаётся прежней и тип 3 страдает от действий типа 2, такой вариант уже известен. Обе точки зрения кажутся одинаково правомерными. Практически всегда в результате проклятие снимается, что позволяет передать потомкам

способы защиты (*Жила у нас в деревне девка молодая, Гаврихой звали потому, что муж Гаврила был. Свекровка ее Гришиха была, невзлюбила девуку, да и прокляла ее. И вот вечером легла Гавриха спать и проснулась в казенных покосах (это далеко от дома ее), а когда и как ушла, не помнит. Пришла она домой и рассказа все свекровки, а та призналась, прощения просила, и через церковь потом все восстановили.* (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.))

Некоторые былички могут передавать не только практические советы, но и сам менталитет, способ мышления древних, например игнорирование факта смерти (*Если кто-то в семье умрет – тосковать нельзя. Иначе змей огненный оборотится умершим, да и повадится ходить. Все соки выпьет. Особо он вдов мучает. Мужем оборотится и летает по ночам, а они и рады. Прогнать можно его маком. Посыпать мак вокруг дома и в кровать, он и перестанет летать.* (Зап. от Нечкиной В. Ф. г. р. 1908, д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 №21)). Кроме того, очень часто они содержат знания о народных праздниках (*Великий пост пройдет, будет заговенье. Кругом деревни гоняют тройки, шуликунов топчут. Это будто черти, а потому их и топчут, чтоб они не остались* (Коми, Усть-Цилемский район, 80-е годы)), самые названия которых уже имеют важнейшее значение для сохранения народной памяти. Таким образом, былички, являясь фольклорным жанром, помогают в сжатой форме осуществить передачу между поколениями иррациональной составляющей человеческого опыта.

Стилистические особенности

Следует обратить внимание на разрушение жанра – более архаичные формы в севернопермской быличке и более близкие к стилистике повседневной беседы тексты юга. Главный содержательный принцип былички, определяющий все уровни её бытования — совмещение неведомого и обыденного. Поэтому стилистически тексты быличек довольно бедны. Часто используется инверсия («*Жила девка одна...*», «*Я на покосе*

свекрови помогала...»), которая придаёт речи особый ритм. Следует понимать, что в устной речи «без прикрас», которая обычно присуща быличкам ритм — практически единственный способ придания тексту отличия от обыденной человеческой речи. Этой же цели служат парцелляции. В текстах присутствует классический мотив трёх — одновременно мистический и ритмический («...Как вдруг раздался такой гром железный, будто из подземного цеха. И опять, и опять повторился»).

В пользу позиции об изначальной реальности происходящего говорит и выбор между метафорой и сравнением. Метафора направлена на возвышение, а сравнение всегда снижает образ. Так в примере с громом, «как из подземного цеха», сложный образ строится вокруг идеи контраста бытового («цех») и опять же мистического (гром, небо). Сравнение, если присмотреться, скрывает от нас образ Ада и вместе с тем неких небесных сил. Учитывая, что речь идёт о знамении судьбы, можно легко понять истинные причины такого смещения — судьба в народном понимании находится вне этих категорий, ей подвластны даже они (вспомним древнегреческие мифы, например). Но изначально это всего лишь описание звука.

Интересным является и такой характерный для устных рассказов (и древнерусской литературы, надо сказать) приём, когда автор заранее предупреждает слушателя о том, что его ждёт, и не обманывает ожиданий. В этой же быличке автор упоминает в начале «жену-покойницу», и история заканчивается её смертью.

Синтаксические особенности

На уровне синтаксиса прекрасно проявляется изустное происхождение жанра в качестве краткого рассказа очевидца, что определяет выбор синтаксических средств. Мы можем с достаточным основанием можем делить былички на две категории по виду связи на уровне текста. Большинство анализируемых быличек развиваются линейно («Корова

потерялась. Знающие бабки сказали: *«Испеките пирог рыбный и отнесите пирог и вино на пень, в лес»*. Положили это все. Корова—то и вышла. Лесной отпустил»), связь между предложениями цепная, в первом предложении некое происшествие, событие. Такие былички могут предваряться зачином — *«вот со мной случай был»* и подобными — или временным *«когда»*. Другая часть описывает некое явление, «обрастающее» подробностями — предложения здесь, в основном параллельные или присоединительные (*«Колдун чертей в бане разводит. Чертёнки у него в виде мух или птичек, а в д. Савино видели люди в бане у колдуна лягушек. Одна девка с нашей деревни пошла замуж за колдуна, дак когда он на работу ушел. Она в баню зашла, а там полно здоровых мух зеленых»* — в данном случае даже происшествие как бы «запараллеливается» с другими предложениями, раскрывающими образ). Могут начинаться со сложного с придаточным условия (условными «если» или «когда»)

Подавляющее большинство быличек состоит из кратких, часто парцелированных предложений. Первое предложение, если оно не является формульным зачином (*«Вот со мной случай был»* и подобные) — нераспространённое двусоставное или распространённое односоставное (*«Корова пропала...», «Суседиха есть, есть, в лесу живёт...», «Рабочих из городов привезли...», «Русалки показываются...»*). В большинстве случаев оно является ответом на вопрос собеседника или ремаркой, предваряющей историю. Все остальные части вариативны и могут иметь самое разное синтаксическое строение.

Синтаксическое время — прошедшее или настоящее как прошедшее, что обусловлено формой воспоминания, мемората былички второго типа, в основе которых описание явления, могут быть рассказаны в настоящее время в значении общего.

2.2. Специфика текстопостроения в Пермских быличках

Как уже было сказано, можно выделить два чётких типа быличек – сюжетные и описательные.

Структура описательных произведений делится ещё на два типа — условные и собственно-описательные. В собственно-описательных текстах автор как бы отвечает на вопрос «что это такое?» или «существует ли это?». Он начинает с обозначения предмета разговора, затем переходит к частностям и признакам. В такого рода тексты может быть включена сюжетная история — таким образом, тип становится смешанным. В свою очередь, условные тексты являются ответом на вопрос «что делают, когда (если) происходит подобное?». Автор выбирает соответствующую структуру ответа, и его рассказ может уложиться в одну строку (*«Если колдуна на свадьбу не позовут, кони не пойдут, с места не сойдут»*).

Сюжетные произведения имеют довольно много вариантов, на их появление влияет большое количество факторов, например наличие или отсутствие формульного зачина, открытый или закрытый финал, наличие или отсутствие структурных элементов повествования (завязки, развития действия, кульминации, развязки) и их соотношение. Количество комбинаций неисчислимо.

Основная функция формульного зачина в том, чтобы создать у слушателя определённую рамку восприятия, с которой автор работает в дальнейшем, разрушая ожидания или подтверждая их, в том числе это касается достоверности источника. В следующем примере хорошо видно, как запускается этот механизм и как история его преломляет. *«А вот случай был. (Ожидание реальной истории) Свекровка моя, она здесь умерла, болела. А мы к празднику ушли. Она сама еще говорила: «Ну, сходите, сходите туда, в Косоротово». Ну, пришли мы, а вечером она говорит:*

-Катя!

-Че?

- Поди, под окошко погляди!

-А че?

*-Лошадь сивая в окошко залезла, ноги на подушку уже поставила.
(Разрушение ожидания).*

-Че ты, бабушка, рама –то не выбита.

А это ей показалось (Снова создаётся ожидание реального и сразу же разрушается дальше) Только три дня прожила после этого. Говорят, сивая лошадь к смерти кажется. А еще говорят, если сивую лошадь часто во сне видишь, так это тоже к смерти».

Этот же пример может пригодиться в классификации концовок. Существует два варианта финала, как в любой истории, — закрытый и открытый. Закрытая концовка в большинстве случаев трагична и снабжена коротким комментарием автора, объясняющим сакральный смысл происходящего (пример выше), в большей или в меньшей степени расставляющим морально-этические акценты («С Иваном рассорилась, он ушел в кино. Дверь открылась, он, суседко, пал мне на бок. Я глаза не открыла, его столкнула, одеяло натянула. А весной сын заболел»)

Что касается открытых концовок, то здесь тоже стоит говорить о некоей бинарной оппозиции. Часть открытых концовок является по факту просто ироничными концовками, герой убегает или скрывается, но нечто мистическое уже коснулось его («Дак вот был у нас мужик, говорили люди: с лешим знался. Как-то отец мой в баню пошел, а он партийный, в леших-то не верил. И в бане-то. Ради смеху, говорит: «Хоть бы мне он показался». А когда из бани вышел, дак, говорит, стоит мужик возле бани, ростом-то выше бани. Отец-то испужался, да бежать»). Другой вид подобных финалов — когда повествование обрывается на кульминации, и мы не можем точно сказать, чем закончилась история, произошло ли в реальности столкновение с неведомым. («А тут в одном месте тоже казалось. Свадьба была, и все уехали к венцу. А осталась одна хозяйка дома. Говорит, гляжу, выходит из голбца старушка маленькая. Она испугалась, а старушка говорит: «У тебя свадьба, у меня тоже свадьба. Дай мне бражное сито. А

ежели тебе охота посмотреть на мою свадьбу, так как у тебя от венца приедут, ты и погляди». Когда все приехали, она потихоньку отдернула ставень – то у голбца. Видит, маленькие огонечки такие горят, а людей никаких нет. И не слышно ничего.»).

Ещё более вариативно могут располагаться структурные элементы истории. Достаточно часто встречаются вполне классические образцы. «У мамы дедушка был, а у дедушки дедушка был. Он был лесовщик. (Экспозиция) И вот пошел он в Черепаново. Рассказывает, ниоткуда возмись гроза. Загремело, загремело. А я встал под дерево у берега реки. Гляжу, черт в реке. (Завязка) Как грянет, и только перестанет греметь, черт высунет жопу из воды, подымет кверху и начинает бога дразнить. Жопой вертит, трясет и кричит: «Лю-лю-лю-лю-лю!». А тут как опять громыхнет, молния прямо по воде. Черт перестанет. А потом опять дразниться начинает. (Развитие действия) Я терпел, терпел, а потом вспомнил, что медью в нечисть стреляют. Оторвал пуговицу, зарядил ружье и выстрелил в черта. Убил его. (Кульминация) Вижу поплыл он по течению и кровь возле него. Потом смотрю, кто-то на лодке плывет и воет. Смотрю, а это водяные, они затащили черта в лодку, сами воют. (Развязка) Вскоре он и умер».

Однако встречаются и усечённые варианты.

Базой текста былички является речевая структура, организованная по принципам устной разговорной речи в ее прозаической форме, с присущей спонтанностью, сбивчивостью, усеченностью. Для быличек Прикамья, как было отмечено выше, свойственна пространственно-временная конкретность:

" Легла я на печку. Кто –то меня за пятки взял. Несколько часов прошло. Нина идет: «У вас тетка умерла». Это суседко был к несчастью", "У нас тут было случай, это уже было на факт, а вот ее мужик помер у старуха, это как раз было в войну в 41- 43 годы. Ну ее мужика забрали в армию, ну она стала тосковать об этом мужике..."

«Я на покосе свекрови помогала сено сушит, вот и развалила его, а сама думаю: «Дай в лес схожу, покуда оно сохнет», а на время я совсем не посмотрела и пошла в лес. А время то было страшное, с 13.00ч. до 14.00ч. – в аккурат нечистый в лесу пошаливает...».

В быличках встречается и выверенная субъектно-объектная организация текста, при которой рассказчик сам является основным действующим лицом, либо близок к героям повествования:

"У мужика Ваньки баба была Лизка. Они хорошо жили. Дом построили. Мужик Иван умер вперед, а Лизка –то осталась. А я уж в Кизеле жила. К тятке в гости приехала".

Повествование ведется от первого лица, что призвано создать эффект достоверности: *«В баню я пошла , когда мылась оставила там одежду, а в бане еще тепло было, а на улице уже смеркалось. Ездили мы по – молодости в гости, к сестре, а она все девок рожала, и жили они так хорошо: и дом большой, и муж не пил, да и девки послушными росли.*

Для этой же функции привлекаются иные языковые средства, одним из которых является использование определенных форм личных и притяжательных местоимений (со мной был случай..., у нас соседка сказывала...) и т.д. *"Вот со мной случай был. Пошли мы с женой-покойницей в лес за дровами. Я пилу несу, она топор. А в лесу тихо-тихо..."*

Важно отметить, что повествователь былички, в отличие, исполнителей иных фольклорных произведений, формально представляет текст как часть собственного опыта, что сближает быличку со специфичным видом монолога и реализуется в моделях подобных: «вот у нас был один пареньь...», «как-то она зашла в сарай, а там...» и подобные). *«Как – то решили наши старики переезжать из одной деревни в другую, бросили под печку лапоть, и приговаривать стали: «Домовой, домовой пойдем с нами на новое место жительство...», «Девка у нас в деревне с лешим познакомась, он парнем притворился....»*

Для былички распространенным способом введения является ссылка на рассказанное другими с целью создания эффекта достоверности

Специфика устной разговорной речи включает в себя цитирование "чужих" высказываний, также включаемых для достоверности: *Девкой еще была. Спали мы как –то ночью. Слышу: мама говорит: «Исусе Христе» А леший –то на окошке сидит. И с братом маленьким разговаривает. Мама – то брата охватила и на полати положила. Сноха Анна вышла скотину поить. И спросила у Ванюшки: «Ты, Ванюшка, кого во сне видел?». А он говорит: «Тятю нового» Я сплю, а он подошел к окну и говорит: «Пойдем со мной на реку, буду кормить белым хлебом» ваня сел на окошко, а отец уже у другого дома. Леший был.*

Одним из видов осознанных включений являются цитируемые рассказчиком реплики персонажей, используемые в целях театрализации повествования *«Сошлась молодежь на посиделки, а в деревне недавно старуха умерла. Один парень возьми да и скажи, что покойников боится, так его приятели задразнили: ну-де, теперь тебе непременно мертвая явится. Он разозлился, хлопнул дверью и ушел домой. А на крыльце та самая старуха его уже поджидала — накликали молодые дурни неосторожными насмешками! Он от нее бежать, она за ним, вот-вот схватит. Тут на пути овин. Вбежал туда парень, взмолился: Батюшка-овинник, не выдай, помилосердствуй! И вдруг из-под кучи снопов выбежал какой-то маленький, косматый, весь как бы в соломе и начал со старухой мертвой драться. Дрались долго, чуть не заломала овинника покойница, а все же он парня не выдал. Прокричали петухи — и все исчезло. Парень едва живой домой побрел, овинника благословляя».* (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

Жанровое своеобразие былички определяет синтетическую природу ее структуры, составляющие которой становятся маркерами исследуемого жанра.

Большинство быличек Прикамья характеризуются наличием повторяющихся структурных элементов, текстовыми маркерами которых могут выступать формулы: с тех пор, с этого времени и др., а также уточнения места и времени (о чем говорилось выше) и т.д. При этом данные элементы условно делят текст былички на три части: первая часть – описание хронотопа, вторая часть – основное действие, третья часть – его результат *Пошли в соседней деревни муж с женой в баню, разругались там, муж и говорит: «Да иди все к черту!». На утро от бани ничего не осталось, сгорела дотла.*

Синкретизм былички заключается во включении фрагментов текстов иных жанров и сфер:

1. Включения традиционного фольклора. В ряде текстов встречаются полифонические включения, созданные по модели сказки и передающие компоненты традиционной картины мироустройства: так, в некоторых быличках актуализируется установка на трехкратное повторение действия *"Она купила красный материал, кушак сделала, повесила. Три дня искали. Нашли его, а он от них убежал. Одичал."*; *«—А через Цасовое озеро шагнул да и вымоцил». Такой назыв, так говорят. А широкое Цасовое озеро-то, три реки будет.* Из этого же пласта можно выделить важность метонимии при описании переходных периодов, например, наступление рассвета («петухи запели») – перехода ко времени светлых сил обозначается через действие, и понимание этого осуществляется на основании общекультурного фольклорного кода: *«На Иванов день папоротник ищут. Надо уйти далеко в лес, чтобы петухов не слышать".*

2. Включение пропущенных через народное восприятие языковых моделей того дискурса, которому посвящен текст былички: медицинского, рабочего и др. В этих случаях появляются полифонические включения, которые можно обозначить как некие пояснения рассказчика, обладающие информативной функцией, в условиях общения с менее сведущими слушателями: *"Колдунья жила у нас, все носила к нам кудель прясть. Один*

дядька заболел головой. Привезли его в больницу в город. Сделали операцию на череп. Как череп-то сняли, дак у него на мозгах сидела большая лягушка. Вот порча-то".

3. Включения из прототекстовой среды, которой может являться как индивидуально-личностная речь, так и язык определенного коллектива. В тексте былички реализуются языковые особенности ее рассказчика в виде часто употребляемых им выражений (по барабану, вот такие пироги и т.д).

Лексические особенности текстов прикамской былички

Среди лексических особенностей стоит особо выделить т.н. «демоническую лексику» — названия явлений и субъектов потустороннего мира, напрямую связанные с содержательной частью жанра: «колдун», «домовой», «оберег», «черти» и др. Особенно важно отметить, что в данном случае эта лексика не метафорична, поскольку автор верит в реальность происходящего. Отрицательная коннотация не встречается, признаки по большей части нейтральны, что может означать как желание «не приукрашивать», так и суеверный страх перед неведомым. Синонимы к этим словам авторы быличек используют редко, гораздо чаще применяются лексические повторы и местоимения. Характерна и частотная замена действующих лиц на «одна девушка» или «мужик один», которая вводит в повествование элемент обобщённости.

Достаточно часто используется звукоподражательная лексика («топ-топ-топ») и слова в специфических значениях (например «знать» в значении «куметь колдовать»). Лексико-грамматические средства выражения прагматической направленности.

С точки зрения функциональной направленности можно разделить персонажей быличек на пять типов, каждый из которых обладает своими специфическими лексико-грамматическими маркерами. Прагматический анализ данных маркеров позволит определить их связь с сюжетно-событийной составляющей текстов быличек.

1. Мифологический персонаж, сверхъестественное существо, с которым встречается герой: *«лесной, леший, суседко, домовый, братанюшка, банник, чёрт, водяные, русалка, колдун, цыганка, шуликаны, девки, кто-то, он, человек, сосед, мужик, старушка, бабка»*. Наиболее частотным является употребление субстантивированных прилагательных, а также местоимений, что, очевидно, вызвано нежеланием упоминать настоящее имя из боязни привлечь существо. (*«Пришел у нас тракторист один домой поздно, после работы, а жена в больнице лежала. Пришел домой, поел, а со стола не убрал и спать пошел. Уснул уж и вот ему помнилось будто бы кто-то говорит: «Иди посуду мой». Испугался тракторист вскочил и не только посуду вымыл, но и пол на кухне подмел»*. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район д. Елохи, 2009г.)) В ряде случаев это происходит уже из желания рассказчика следовать логике сюжета, оставляя разгадку на финал (*«Легла я на печку. Кто-то меня за пятки взял. Несколько часов прошло. Нина идет: «У вас тетка умерла». Это суседко был к несчастью»* (Зап. от Мельниковой Р.П., 1935 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 89)) Точно так же, если речь идёт о призраке или душе, рассказчики прибегают к наименованиям категории «человек», не называя имя покойника, даже если могут знать его. (*«Сошлась молодежь на посиделки, а в деревне недавно старуха умерла. Один парень возьми да и скажи, что покойников боится, так его приятели задразнили: ну-де, теперь тебе непременно мертвая явится. Он разозлился, хлопнул дверью и ушел домой. А на крыльце та самая старуха его уже поджидала — накликали молодые дурни неосторожными насмешками! Он от нее бежать, она за ним, вот-вот схватит. Тут на пути овин. Вбежал туда парень, взмолился: Батюшка-овинник, не выдай, помилосердствуй! И вдруг из-под кучи снопов выбежал какой-то маленький, косматый, весь как бы в соломе и начал со старухой мертвой драться. Дрались долго, чуть не заломала овинника покойница, а все же он парня не выдал. Прокричали петухи — и все исчезло. Парень едва живой домой побрел, овинника благословляя»*. (Килина Аграфена Ивановна,

Верещагинский район, д. Веденечи, 2010г.)). В редких случаях имена собственные используют для обозначения колдунов (*«А Филипп-от сделал над другими опеть. Он [другой] пришел на подчику, по-нашему лесосека теперь называются, пеньё. Он курил. Я пришел, говорит, все мужики сидят, курят, смеются. Я прикурить прошу у них, а они мне не дают. Ходил, ходил, грит, потом, ночь проходил, обратно вернулся в Рублеву, все. А назад пошел, он это убрал все: никаких мужиков и, никакой подчики, и никаких пеньёв нет. Вот так вот. Вот эти колдуны и есть. А они были, были, были оне»* (Пермская обл., Соликамский район, Харюшино, 1989г.)).

2. Реципиент, человек, который встречается со сверхъестественным или попадает под его воздействие. Для обозначения используются формальные замены из категории «человек», а также из категории родственников, реже — имя собственное, особенно в тех случаях, когда человек не погибает по сюжету былички (*«Был в гостях у меня знакомый. Посидели, песни попели, я уж и со стола убрала, старушки-то у меня уж домой пошли, а он все сидит. Часа два просидел. Потом одна старушка подходит к нему и говорит: «Санко, пойдем домой-то». Потрогала его за плечо. Он встал и говорит: «Тысячу тебе раз спасибо, Антоновна». Вот и говорят, чтобы от колдовства избавить человека, нужно его потрогать или дернуть за рукав, а то бы так и остался сидеть.»* (Зап. от Вакориной Т. С. 1912 г. р. с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет.330 №14). Реципиент, к слову, может быть и коллективным — в этом случае используется местоимение «мы», тогда рассказчик как бы выделяется напрямую из четвёртого типа, о котором ниже (*«Раньше у нас поля колхозные были, отправляли на покосы, а дом далёко был, вот и построили нам на покосах избушку, чтоб домой не ходить. Вот пошли мы летом на покос, день гребли, устали в избушку эту и зашли, а на нас как давай земля с потолка сыпаться, дом ходуном заходил, мы и не выдержали, убежали. Старые люди в деревне нам потом сказали, что леший в том доме поселился, и никого не пускает.»* (Таскаев Михаил Иванович, Кудымкарский район, пос. Веселый Мыс, 2009 г.)).

3. Активные, но не контактирующие со сверхъестественным персонажи, которые каким-то образом комментируют происходящее, а иногда и спасают героя. В большинстве случаев используются обозначения категории «родственников», таким образом подтверждается тесная связь мистического опыта с семейным в оппозиции «свой/чужой». Иногда реципиенты считают, что их родственники становятся жертвами их общения со сверхъестественным (*«Когда-то я сижу, у меня прясница [прялка] есь, живцу [Живца — недавно состриженная, необработанная шерсть овцы] пряду, ну, видать, задремала. Я разбудилась, слышу: жжэrr, жжэrr — веретено вертится, огибошна [Огибошна — наименование мифологического персонажа, который прядет по ночам] прядет, суседиха [Суседиха — наименование мифологической хозяйки дома, домовой]. Жжэrr, жжэrr — ведь это надо же эдак-то попрядывать, жэркать. Перед бедой, говорят, это. Каллисту, племянницу, из экспедиции мертвую тогда приплавил (Коми. Усть-Цилемский район, Пачгино, 1985г.).»*

4. Обобщённый субъект — дальнейшее социальное окружение, люди, соседи, люди вообще. Чаще всего обнаруживает себя в предикативных конструкциях с нулевым именным членом (неопределенно-личные, обобщенно-личные предложения) (*«Вот у нас ёще говорят, что колечко из силъя любому колдуну положь в карман и не уйдет» (Зап. от Вакориной Т. С. 1912 г. р. с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет.330 №14а)).*

5. Рассказчик — может совпадать со вторым или третьим типом, может быть не вербализован, вербализуется чаще всего через местоимение «я» или иначе — в речи других персонажей. (*«Мы дом новый построили, дед перешел туда жить уже в декабре, чтоб в високостный год успеть заселиться, а я в старом одна осталась, телевизор посмотрела, легла и уснула. А как уснула, одеяло с меня кто — то стягивать стал, а я обратно, не поддаюсь. Две ночи домовой надо мной издевался, чтоб дом не оставляли, не уходили в новый. А как собрались уходить я руками домового поймала, да в коробку посадила, приговаривая: «Домовой, домовой, садись в коробку,*

пойдем в новый дом, мы тебя здесь не оставим». (Таскаева Мария Филипповна, Кудымкарский район, пос. Веселый Мыс, 2009 г.) Наиболее интересны случаи, когда образ рассказчика воплощает родственник реципиента или его друг. Например, быличка о свекрови (*«А вот случай был. Свекровка моя, она здесь умерла, болела. А мы к празднику ушли. Она сама еще говорила: «Ну, сходите, сходите туда, в Косоротово». Ну, пришли мы, а вечером она говорит:*

– Катя!

– Че?

– Поди, под окошко погляди!

– А че?

– Лошадь сивая в окошко залезла, ноги на подушку уже поставила.

– Че ты, бабушка, рама-то не выбита.

А это ей показалось. Только три дня прожила после этого. Говорят, сивая лошадь к смерти кажется. А еще говорят, если сивую лошадь часто во сне видишь, так это тоже к смерти» (Зап. от Пироговой Е. Р., 1913 г.р., д. Драчевка, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 134, т. 135)). В этой быличке рассказчица не назвала имя родственницы, однако своё имя устами реципиента она произнесла. Здесь смешиваются две тенденции: с одной стороны, суеверный страх перед упоминанием имени умершего, с другой — стремление к типизации, поскольку образ реципиента, очевидно, более типизирован, нежели образы третьего типа.

В целом мы можем говорить о явлении выбора лексико-грамматических средств рассказчиком в ключе организации сюжета и всего содержания произведения. Яркой иллюстрацией этого явления может считаться замена наименования мифологического персонажа на синонимы до самого финала. Мы можем также утверждать, что канонические зачины быличек имеют не только традиционное значение, но и организационное: выбор в пользу отсутствия имён и упоминания при этом родственной связи обеспечивает лучшее погружение в устный текст и опять же отражает

отношение автора к связи мистического, сокровенного опыта и опыта семейного.

В быличках используются разные способы номинации:

1) термины родства и свойства (эгоцентрическая номинация, ориентированная на рассказчика), например: *мой батя, мать, тётка, сноха, золовка, кума* и т. д.;

Еще отец мой ходил лесовать. Убили медведя, ему отрубили голову и покинули на пень, а голова зашевелилась... (Зап. от Усаниной Е.Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет.328б, №106)

Сама –то я не видела, а сын ночевал у друга в крайнем доме. Он мне говорит, что у них суседиha есть. Ночью вышла маленькая бабка, зажгла ночничок и начала прясть. Попряла, попряла и ушла в голбец.

(Зап. от Вакориной Т. С. 1912 г. р. с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет.330 №13)

Отец пошел в баню и подумал увидеть там лешего. И увидел, он был высочущий. Бородатый, в дверях стоял. Отец побежал, оглянулся, а тот все еще стоит. (Зап. от Поповой Т. И., 1925 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет.330 №19)

На Сольве золото будто бы мыли. Отец там работал. Чугун делали, на барже сплавляли сверху... (Зап. от Ильиных А. М., 1912 г. р., д. Писаная, архив ПГУ 1986, тет.328б, № 181)

Отец мой не верил в нечисть, но сказывал, что видел как-то, как соседка пряжу из сундука плела. Он в нее валенком, а она под пол шмыг. А на следующее утро вся пряжа запутана была. (Зап. от Нечкиной В. Ф. г. р. 1908, д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 №42)

Рассказывала мне моя бабка, что повадился ее черт гонять. Как полночь, он тут как тут и начинает ее вокруг печи гонять. Хорошо она сильные молитвы знала. ... (Зап. от Нечкиной В. Ф. г. р. 1908, д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 №45)

Отец мой охотник был и рассказывал он, что как-то на зимовке он пришел в свою охотничью избушку и лег спать. И слышит, что заходят к нему три здоровых бабы и спорят: разбудить или нет. Так и не разбудили – ушли. А он-то не спал. Все слышал. Испугался, забрал вещи и уехал домой в деревню. Вот так дело было. (Зап. от Нечкиной В. Ф. г. р. 1908, д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 №47)

Пошел отец мой на мельницу зерно молотить. Все настроил, оставил мельницу работать и ушел по делам...(Зап. от Нечкиной В. Ф. г. р. 1908, д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 №48)

Отец мне рассказывал. Шел он как-то на мельницу. Смотрит, а ему дорогу здоровущий дед перегородил (черт, значит, а кто ж еще). А он у меня ни в бога, ни в черта не веровал, и пошел он прямо на него, да как даст ему, а попал по дереву. Аж ветки сломил. Поблазило. Не к добру то было. (Зап. от Нечкиной В. Ф. г. р. 1908, д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 №49)

Муж мне мой, покойничек, рассказывал перед смертью, что приходит к нему по ночам суседка и пишет- пишет ему рецепты. Болел он тогда. К несчастью то было. Умер он потом. (Зап. от Антипиной Е. П. д. Ванькова, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 50)

У меня мама рано утром, еще темно было, видела внуков: бегут они по дороге к ней в туалет. Дома рядом были и впрямь могло такое случиться. Ну вот бегут они, а мама их спрашивает: «Куда вы это побежали так рано?».... (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.)

Дед когда – то рассказывал, будто бы его домовый душил, он тогда его и спросил: «К добру или к худому?» а домовый ему ответил «Ху!»... (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

Бабушка у нас от порчи лечила: в стопку водки наговорит что – то, брызнет и в баню мыть идет, а в бане такая трескотня – дух нечистый выходит, леший углы бани поднимает, чтоб не лечили. (Таскаева Мария Филипповна, Кудымкарский район, пос. Веселый Мыс, 2009 г.)

Как можно отметить, более частотное упоминание старших близких родственников, что вполне подтверждает представление о быличке как об интимном, сакральном знании.

2) имена собственные, например: *Татьяна, Петровна, Ваша Лизка, Аннушка* и т. д;

Жила у нас в деревне девка молодая, Гаврихой звали потому, что муж Гаврила был. Свекровка ее Гришиха была, невзлюбила девку, да и прокляла ее. И вот вечером легла Гавриха спать и проснулась в казенных покосах (это далеко от дома ее), а когда и как ушла, не помнит. Пришла она домой и рассказа все свекровки, а та призналась, прощения просила, и через церковь потом все восстановили. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.)

Баню Нюра у матери топила, да обе такие тихие были, что в баню пошли только после 12.00, все работали. Нюра пошла в баню, а мама ей детей хотела носить мыть... (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.)

Нашего-то, Митина-та, дедушку хватали в бане-то. Хватали. Дак вот один с гармошкой зашел. Девки, говорит, поют песни... (Пермская обл., Соликамский район, Харюшино, 1989г.).

Жила у нас старая девка, незамужняя; звали ее Ольгой. Ну, все и ходил к ней дворовушко спать по ночам, и всякий раз заплетал ей косу и наказывал: «Если ты будешь ее расплетать, да чесать, то я тебя задавлю»... (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

Как мы видим, в подавляющем большинстве случаев имена неконкретны, даны в виде прозвищ или эмоционально окрашены. На первый план выходит типизация, универсальность, подчёркивающая образовательную прагматическую функцию былички.

3) предикатная номинация (именование лиц по профессии), например: *пастух, кузнец, мясник, продавец* и т. д;

Тут один кузнец был. Подумал он как-то: «Хоть бы какой черт пришел ко мне лошадь подковать». Время уже поздно. Стук в дверь. Пришли лошадь подковывать, кузнец подковал. Поглядел – там сосед, недавно утонул который. Черты на нем ездили. Испугался кузнец. Сосед деньги отдал. Мужик деньги принес домой. Посмотрел, а это береста – не деньги. (Зап. от Вяткина Н.М. 1929 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 161)

В Чердыни жил мясник, он колбасник. Колбасу продает. А цыгане зимой наезжали, ночь ночуют, да у тебя же сено воруют и лошадь крадут. Отец у мя уехал на войну. А у мамы .. юбка была. Она, цыганка эта, ее выманила. У тебя муж – то на войне, а поэтому –то ...красну юбку носить нельзя, а то мужа убьют. Цыгане эти мануфактуру закупают и по деревням продают. У них всегда есть товара. Закупают аршин по 10 рублей, а продают по 15. (Зап. от Семерикова, 1907 г. р., д. Тамца, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 56)

Пришел у нас тракторист один домой поздно, после работы, а жена в больнице лежала. Пришел домой, поел, а со стола не убрал и спать пошел. Уснул уж и вот ему помнилось будто бы кто – то говорит: «Иди посуду мой». Испугался тракторист вскочил и не только посуду вымыл, но и пол на кухне подмел. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верещагинский район д.Елохи, 2009г.)

Предикатная номинация не является распространенной в текстах быличек Пермского края, это более современный способ номинации для данного жанра, который предполагает, кроме стремления к универсальности, ещё и стремление охарактеризовать персонажа и его окружение в наиболее сжатой форме.

4) имена существительные, содержащие в своем значении указания на пол и возраст (именования с половозрастной характеристикой), например: *девочка, один мужик, молодой человек, одна бабка, люди, свои* и т. д.

Девка у нас в деревне с лешиим познакомилась, он парнем притворился. В лес стала ходить, и долго там задерживаться. Вот ее сестра однажды и подкараулила: пришла та девка в лес, да как уставилась в одну сторону, засвистела, вот и появился человек. Вышел, да давай девку эту обнимать, а потом и вовсе в кусты ушли. Сестра ждать ее не стала и домой ушла, вечером ждала ее, а та не пришла. испугалась тогда сестра, да в лес искать побежала, и нашла ее в кустах задуманную. Старые люди потом говорили, будто бы леший разозлился на девку, что привела в лес кого – то и задумал ее. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.)

На Иванов день папоротник ищут. Надо уйти далеко в лес, чтобы петухов не слышать. Вот мужик один ушел, смелый, на Иванов день. Сидит в лесу, пока время не подошло. Вдруг глядит, откуда ни возьмись люди появились, такие страшнущие. Видится ему, что люди говорят:

Че будем с ним делать?

Давай захороним.

Они гроб сделали, смеряли мужика – ноги не входят.

Давай, - говорят, - ноги отсекем.

Мужик испугался. Проснулся, все дело пропало. Не надо было пугаться. Ему только привиделось, ничего бы с ним не сделали, его только так пугали. (Зап. от Вяткина Н.М. 1929 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 160)

У нас в деревне баба одна историю рассказывала про женщину какую – то, у нее еще в то время ребенок вовсе маленький был, ночью из бутылочки кормила. Вот ребенок как – то проснулся, она вскочила и к печке пошла за молоком теплым, налила, а когда обратно идти стала, наткнулась на кого – то. Почувствовала как будто с человеком столкнулась, хотя время – то ночное было и все в доме спали. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район д.Елохи, 2009г.)

Вздумал мужик сушить овин на Михайлов день. Гуменник, за такое кощунство, вынес его из «подлаза», на его глазах подложил под каждый угол овина головешки с огнем и столь застрашал виновного, что он за один год поседел как лунь. (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

Все рассмотренные выше способы (1-4) могут быть отнесены к прямой номинации;

Наиболее часто употребляемый способ номинации в классических зачинах, гармонично сочетающий в себе стремление к достоверности и стремление к типизации.

Каждый из этих типов номинаций к середине текста может быть заменён на местоименный, что вызывается, очевидно, стремлением облегчить повествование и связано с влиянием бытовой речи. В случаях, когда рассказчик и герой отождествляются, на первый план выходят местоимения 1 лица.

Проследим подробнее динамику изменения номинации на примере одного персонажа.

Жила у нас старая девка, незамужняя; звали ее Ольгой. Ну, все и ходил к ней дворовушко спать по ночам, и всякий раз заплетал ей косу и наказывал: «Если ты будешь ее расплетать, да чесать, то я тебя задавлю». Так она и жила нечесой до 35 годов, – и не мыла головы, и гребня у себя не держала. Только выдумала она выйти замуж, и когда настал девичник, пошли девки в баню и ее повели с собой, незамужнюю ту, старую девку, невесту ту. В бане стали ее мыть. Начали расплетать косу и долго не могли ее расчесать: так-то круто закрепил ее дворовушко. На другое утро надо было венчаться – пришли к невесте, а она в постели лежит мертвая, и вся черная: дворовушко ее и задавил. (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

Как мы можем видеть начало былички напоминает, хоть и не повторяет полностью, традиционный зачин с половозрастными характеристиками.

Затем образ концентрируется, добавляется имя — таким образом, на вводном этапе мы получаем достаточно подробную характеристику действующего лица, которую рассказчик предоставляет в целях придания рассказу достоверности. Следует отметить, что вариант с градацией появляется и в середине, когда ситуация для героини изменяется. Общее звено повторяется, а концентрирующий элемент становится другим. Эти два комплекса очень важны, поскольку несут структурно-организующую функцию, отмечают ритмически завязку и кульминацию.

Интересно будет взглянуть и на **хронотоп произведения с точки зрения лексики**. Первая часть, повествующая о прошлом Ольги, имеет только один локальный маркер — *у нас*. Кроме того, используются глаголы прошедшего времени несовершенного вида, что характерно для описания давнего прошлого. В середине текста локация даётся более конкретно, а глагольные формы приобретают совершенный вид, момент даётся «крупным планом». В концовке локация и время снова масштабируются — общее *к невесте* и метафорическое глагольное время, которое, кроме естественной функции вовлечения в текст, несёт ещё дополнительную нагрузку связи с мистическим, поскольку мёртвые и мифологические персонажи подсознательно абстрагируются от земного времени. Таким образом, мы видим, как от обобщённой экспозиции история перетекает в специфическую, конкретную кульминацию, а затем — в дидактическую, вновь обобщённую развязку.

События быличек в ряде случаев могут не иметь разгадки, дидактическая составляющая не персонифицирована, для обозначения неведомого используются неопределённые местоимения и безличные или неопределённо-личные глаголы.

Бывало, плутали в лесу. У нас парень заблудился, Витька. Его три дня не было. Он поехал, а тетка и говорит- лошади топтались де у ей под окном: «Иди ты к лешему, Витька». Он пошел, да не в ту сторону. Искали, искали, даже в трубу смотрели. Тетка-то его плачет. Ей говорят: «Ты

бутылку водки и красный платок на елку повесь, он возьмет и приведет Витьку к тебе». Она возьми и купи. Она купила красный материал, кушак сделала, повесила. Три дня искали. Нашли его, а он от них убежал. Одичал.

- Как ты жил?

- Я под сосной спал, ничего не ел.

Потом пошли – ни водки, ни кушака. Видно, кто-то это всё знал. Видно надо ему красное, любит он. (Зап. от Ильиных Н. А. 1928 г. р., д. Писаная, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 126)

У нас в деревне баба одна историю рассказывала про женщину какую – то, у нее еще в то время ребенок вовсе маленький был, ночью из бутылочки кормила. Вот ребенок как – то проснулся, она вскочила и к печке пошла за молоком теплым, налила, а когда обратно идти стала, наткнулась на кого – то. Почувствовала как будто с человеком столкнулась, хотя время – то ночное было и все в доме спали. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район д.Елохи, 2009г.)

Такие формы могут быть использованы и для создания сюжетного напряжения.

Работал он мельником, жена краску продавала. Он был заядлый гармонист. Выйдет на берег, ему говорят: «Смотри, только через левое плечо!» Он и видит- девки, волосы золотые. А посмотрит направо- никого не видит. (Зап. от Мельниковой Р.П., 1935 г.р., д. Грудная, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 81)

Поехали мы свекрам помогать дом достраивать, чердак обустраивать, и подняли у нас мужики доски на чердак, а ночью, когда спать легли Егор мне и рассказывает, будто бы загремело наверху что – то, кто – то заходил, муж мой и ни встать, и не сесть не может, только лежит да трясется от страха, а наутро с первыми петухами отцу все рассказал, а тот его заставил идти наверх да доски все эти в другой угол переложить, поскольку завалили место у домового. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район, д.Елохи, 2009г.)

Локально-темпоральная характеристика сверхъестественного события бывает линейной и циклической. Следует оговориться, что на практике даже в линейной структуре события на грамматическом уровне не будут идти строго последовательно, поскольку подчиняются, скорее, драматическим законам, нежели законам бытовой речи. Вместе с появлением неведомого в текст прорывается метафорическое время глагола, в большинстве случаев — настоящее в значении прошедшего.

Спать мы легли рано, с покоса пришли да чисто все вымотались. А тогда еще дети малые были и свет на кухне по ночам не выключали, чтоб горшок видно было. Слышу я сквозь сон, Ванюшка встал и на горшок пошел, я не сплю, слушаю, когда обратно ляжет, а как дождалась, когда ляжет помлилось мне, что идет кто – то на меня. А потом прыгнул на шею, и давай душить Я кричу мужа зову, а голоса своего не слышу, и больно мне, и сбросить его я не в силах. А по том делся куда - то, исчез, как будто и не было вовсе. (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

Меняется и пространственная характеристика, после экспозиции сцены становятся более детальными, а локации — более конкретными. Дидактическая часть может быть обобщена, как уже было описано выше.

Циклическое время как таковое характерно для быличек-советов или предупреждений. Эффект цикличности опять же достигается метафорическим временем глаголов, а также формой второго лица в значении «всякий, каждый».

Я спать когда ложусь, ножи на ночь на столе не оставляю. Старики раньше говорили, будто бы спать не будешь, если ножик не уберешь. (Соловьева Валентина Демьяновна, Верецагинский район д.Елохи, 2009г.)

В бане банная староста живет, как пойдешь топить разрешение спроси: «Можно затопить или нет?» (Таскаева Мария Филипповна, Кудымкарский район, пос. Веселый Мыс, 2009 г.)

Касательно общей темпоральной характеристики, следует отметить связь времени с фигурой рассказчика. Имеет смысл говорить о времени, ориентированном на жизнь рассказчика и отвлечённом от неё.

Ещё до колхозов, когда была совсем молодая, были у нас дома две лошади. Пошла утром загонять лошадей из ночного. Только вышла из Губдора, за мной едет мужик на лошади и маленькой тарантайке. Говорит мне: «Девушка, садись». Я села, он меня довез до поворота, взошла на гору, а под горой вижу город. Спрашиваю, полходящего ко мне дядю: «Что за город?» А он говорит: «Киев». Я говорю: «Что же мне делать, у меня денег нет, я по лошадей пошла». Мужик меня отправил в Земскую управу, мне выписали десять рублей. Пошла на станцию, а там тот же мужик. Говорит мне: «Садись, держись за меня. Как увидишь кленую берёзу, так цепляйся за неё». Я села, он как помчался, я берёзу-то увидела, а вцепиться не успела. Он говорит: «Держись, а то далеко прокачу». Я за вторую-то берёзу зацепилась, встала и заревела. А тут меня кто-то потащил, и очутилась я в своём доме, зацепилась за палати. Нечистая сила меня тащила. Леший был. Вот это, девочки, правда со мной было. (Зап. от Вакориной Т. С. 1912 г. р. с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет.330 №7)

В данном примере достоверность события подчёркивается связью с собственной биографией рассказчика, выраженной в придаточном времени в первом предложении. Такие маркеры могут быть разной степени точности, а также могут быть выражены через важное событие, которое напрямую связано с биографией рассказчика.

Мы дом новый построили, дед перешел туда жить уже в декабре, чтоб в високостный год успеть заселиться, а я в старом одна осталась, телевизор посмотрела, легла и уснула. А как уснула, одеяло с меня кто – то стягивать стал, а я обратно, не поддаюсь. Две ночи домовой надо мной издевался, чтоб дом не оставляли, не уходили в новый. А как собрались уходить я руками домового поймала, да в коробку посадила, приговаривая: «Домовой, домовый, садись в коробку, пойдём в новый дом, мы тебя здесь не

оставим». (Таскаева Мария Филипповна, Кудымкарский район, пос. Веселый Мыс, 2009 г.)

В случае абстрактного времени существуют варианты, связанные с общим деревенским бытом, привязанные ко времени года или праздникам, более циклические и обобщённые по своей сути.

Раньше у нас поля колхозные были, отправляли на покосы, а дом далёко был, вот и построили нам на покосах избушку, чтоб домой не ходить. Вот пошли мы летом на покос, день гребли, устали в избушку эту и зашли, а на нас как давай земля с потолка сыпаться, дом ходуном заходил, мы и не выдержали, убежали. Старые люди в деревне нам потом сказали, что леший в том доме поселился, и никого не пускает. (Таскаев Михаил Иванович, Кудымкарский район, пос. Веселый Мыс, 2009 г.)

Сошлась молодежь на посиделки, а в деревне недавно старуха умерла. Один парень возьми да и скажи, что покойников боится, так его приятели задразнили: ну-де, теперь тебе непременно мертвая явится. Он разозлился, хлопнул дверью и ушел домой. А на крыльце та самая старуха его уже поджидала — накликали молодые дурни неосторожными насмешками! Он от нее бежать, она за ним, вот-вот схватит. Тут на пути овин. Вбежал туда парень, взмолился: Батюшка-овинник, не выдай, помилосердствуй! И вдруг из-под кучи снопов выбежал какой-то маленький, косматый, весь как бы в соломе и начал со старухой мертвой драться. Дрались долго, чуть не заломала овинника покойница, а все же он парня не выдал. Прокричали петухи — и все исчезло. Парень едва живой домой побрел, овинника благословляя. (Килина Аграфена Ивановна, Верецагинский район, д. Веденечи, 2010г.)

К слову, рассказчики часто используют специфические способы указания времени с помощью слов типа *однажды, как-то, раз, было, бывало, случай и т.д.* Так появляется особый, сказочный мотив истории, который особенно интересен в сочетании с высокой детализацией повествования.

Вот однажды со мной такой случай вышел. В войну брата моего, ему восемнадцати не было, взяли на фронт. Его там ранило. Он умер. А мы уже здесь жили. И вот, сижу я как-то вечером у окна, лен пряду. В то время нечем было окна завесить, не половиком же. А в избе у меня был ягненок, овца – то его не любила, так я его в избе держала. И вот ягненок побежал к двери, а я поворачиваюсь в ту сторону и говорю: «Дурак, куда ты бежишь?» Гляжу – во все окно человек стоит. Господи, как я испугалась. «Чур, наш аминь! Чур, наш аминь!» -говорю. Взяла большую шаль и завесила окно, а сама залезла на печь. А утром пошла посмотреть – есть след или нет. А следа-то нет. (Зап. от Пироговой Е. Р., 1913 г.р., д. Драчевка, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 133)

Наиболее интересными случаями в этом ключе можно считать варианты с нарративными рамками, когда несколько временных пластов включаются друг в друга через образы повествователей.

У мамы дедушка был, а у бабушки дедушка был. Он был лесовицк. И вот пошел он в Черепаново. Рассказывает, ниоткуда возьмись гроза. Загремело, загремело. А я встал под дерево у берега реки. Гляжу, черт в реке. Как грянет, и только перестанет греметь, черт высунет жопу из воды, подымет кверху и начинает бога дразнить. Жопой вертит, трясет и кричит: «Лю-лю-лю-лю-лю!». А тут как опять громыхнет, молния прямо по воде. Черт перестанет. А потом опять дразниться начинает. Я терпел, терпел, а потом вспомнил, что медью в нечисть стреляют. Оторвал пуговицу, зарядил ружье и выстрелил в черта. Убил его. Вижу поплыл он по течению и кровь возле него. Потом смотрю, кто-то на лодке плывет и воет. Смотрю, а это водяные, они затащили черта в лодку, сами воют. Вскоре он и умер. (Зап. от Пироговой Е. Р., 1913 г.р., д. Драчевка, архив ПГУ 1997, тет. №749, т. 134, т. 136)

Здесь совершенно стирается образ повествователя и время повествования. Нельзя с точностью установить, кто конкретно передал историю рассказчице. История приобретает вневременной характер, не даром

рассказчица в отношении повествователя выбирает глагол *рассказывает* — настоящее время в значении прошедшего, а не характерное для экспозиции прошедшее время глаголов несовершенного вида. Сама же история от его лица ведётся по классической схеме перехода от прошедшего к метафорическому настоящему.

Подобная сложность встречается сравнительно нечасто. Гораздо чаще можно наблюдать схемы с одним шагом. Но и в них временные характеристики стираются, отсюда и появление специфического *как-то* в данном примере, притом, что метафорическое время по отношению к повествователю не употребляется, а рассказчик не вербализован.

Один мужик рассказывал, шел он как-то по дороге, вдруг вихрь рядом пронесся. Он взял ножик, в него бросил, а вихрь-то исчез. Мужик подошел к тому месту, а ножика-то нет. Через год он в лес пошел. Пошел, да и запутал. Бродил, бродил, да и вышел на какую-то поляну, а там дом стоит. Мужик-то очень удивился, но в дом зашел. А там его женщина встретила, обычная женщина, дети обычные тоже. Она и говорит: «Посиди, подожди, сейчас хозяин придет». Вскоре мужик заходит, мужик как мужик. Заходит и говорит мужику:

-Че-те надо-то?

-Да вот заблудился. Не покажете дорогу? - тот отвечает.

-Ладно, сейчас ужинать будем, потом переночуешь здесь, а утром покажу.

А хозяйка и говорит мужу:

-Муки мало.

Хозяин и ушел. Вскоре приходит и говорит жене:

-Мало принес, был у соседа. У него в амбаре кресты наделаны.

Сели ужинать, еда у них такая же как и у нас. Только смотрит мужик, на столе его нож лежит. А хозяин говорит:

-Че смотришь-то?

-Да так.

-Нет, скажи.

-Да на нож.

-Ну так вот, что я тебе скажу. Большие так не делай. Я тогда еле домой добрался.

Поужинали, спать легли. А утром хозяин показал мужику дорогу. Тот и ушел домой. Побывал у лесного дома. (Зап. от Пироговой Е. Р., 1913 г.р., д. Драчевка, архив ПГУ 1997, тет. №749, т.139)

Интересно проследить различия южных и северных пермских быличек. Соотнесем примеры:

О лешем

Бывало, плутали в лесу. У нас парень заблудился, Витька. Его три дня не было. Он поехал, а тетка и говорит - лошади топтались де у ей под окном: «Иди ты к лешему, Витька». Он пошел, да не в ту сторону. Искали, искали, даже в трубу смотрели. Тетка-то его плачет. Ей говорят: «Ты бутылку водки и красный платок на елку повесь, он возьмет и приведет Витьку к тебе». Она возьми и купи. Она купила красный материал, кушак сделала, повесила. Три дня искали. Нашли его, а он от них убежал. Одичал.

- Как ты жил?

- Я под сосной спал, ничего не ел.

Потом пошли – ни водки, ни кушака. Видно, кто-то это всё знал. Видно надо ему красное, любит он. (Зап. от Ильиных Н. А. 1928 г. р., д. Писаная).

Шалопай Салапонтьевич

Я, правда, сама лешего не видела, но вот там бабка живет - сказывала. Говорит, я коз пасла. Под осень, дак уж темненько было. И буря поднялась, лес даже клонится книзу. Я, говорит, гляжу к лесу-то – а там человек идёт, чуть не с лесом наравне. Жутко стало. Лежу, поднялась так на локоть, он подходит ко мне. Говорит: «Ну ак чё ты тут делаешь? – Козей пасу. – А кто ты такая»? Она говорит: «Раба Божья. А кто ты? – Я Шалопай Салапонтьевич». И тут сразу ветер поднялся, и он опять ушел в

лес. Та давай молитву творить да креститься. Чё это - без молитвы, что ли из дома вышла? (Зап. от Вахрушевой Е. Г., 1933г.р., д. Соковниха Кишертский р-н).

В первом тексте подробно описан обряд поисков потерявшегося в лесу, есть объяснение случившемуся (некая бабка послала героя к лешему – магия слова). Описания лешего нет, называется неопределенно «кто-то», он, они. Во втором упоминается обязательный «спутник» лешего – ветер-вихрь, леший представлен в антропоморфном облике (в том числе с именем). Рассказчица приводит объяснение – вышла из дому без молитвы (прослеживается дидактическая функция). В целом текст больше обытовлен деталями по сравнению с северным, который наполнен не бытовыми, а мифологическими деталями...

О суседке (домовом)

Домовой в каждом доме есть - в голбце. Вот у нас там маленькая избушка, как я жила, на два окошка. Ак я вот видала - она не слишком была, горяшница, ростом большая, шибко была полная, красная, краснокровая. Я её видала. А потом вот наши жили, дак не видали никого. А он всё время выходил. «Я, - сын говорит, - заругаюсь, заматькаюсь». Затопат, ушел вроде. Сын уйдет только, он на пече снова сидит. У нас дедушко маленький, хохлатенький, небольшой, суседко-то хохлатый. Ладом не одет, кто его оденет? В голбце-то кто про него сошьёт. Я думаю так про себя, что в голбце никто его не одеват. И девчонка, мы с ней не говаривали. Вот видала, а никогда не говаривала с ней. А люди рассказывали - только выйдет суседко, надо матькатся, ругаться, чтобы он ушел. А то выйдет, сидит. Или, может, любел он хозяйку, её или чего. Почто он выходил? (Зап. от К. Я. Герасимовой, 1930 г.р., д. Журавли Кишерт.).

Вот к одним пришел суседко. А баба-та не верила, что ходит. А он пришел и говорит: «Дайте мне валенки». А они только что валенки подынули наверх. Она говорит: «Нет, зачем мы будем валенки давать». Отказала ему. Утром пошла наверх, а там все валенки раскиданы. Суседко, видно, все

валенки раскидал. Ладно. Потом не стало, перебрался тут домов через пять. А они тоже, ели как-то мясо. Ели, ели, в чашке кости оставили. Утром встали, а костей-то нету. И ни кошек, никого нет. А дочь не спала ночью и говорит: «Мама, дедушко пришел, сел у меня к койке и гложет кости, токо зубы хрустят. Маленький такой, с бородой, кости ест и говорит: «О, вкусные». А на вторую ночь он опять приходил, будил девку-то. И точно, кости нашли у койки (с. Романово, зап. от Половниковой П. А. Усольск. р-н).

В северном тексте момент поведенческой ошибки, в результате которой произошло столкновение, дан в самом начале текста и отвлечён от реципиента, в южном — напрямую с ним связан и дан ретроспективно. И в южном и в северном тексте момент спасения ложится на плечи того, кто допустил ошибку, вводится мотив искупления. Метафорическое время глагола использовано в первом тексте лишь два раза — в моменте проклятия и в моменте описания ритуала, что в целом подтверждает гипотезу о связи глагольного времени с реальностью или нереальностью событий. Северный текст, ко всему прочему, не содержит иных указаний на мифологическое существо, кроме слов, произнесённых персонажем, что, вероятно, говорит о желании рассказчика остаться в рамках реального мира, тем самым подчёркивая контраст чудесного события и бытового окружения. Южный текст, в свою очередь, событийно сконцентрирован на неведомом, глагольное время не смещается только в первой четверти текста. Здесь для сохранения контраста леший показан антропоморфным существом, обладающим даром речи, и даже прямо назван человеком.

Южный текст в данном случае не имеет ярко выраженной кульминации, тема неведомого раскрывается в рамках циклического времени. Метафорическое глагольное время привязано к событиям встречи с неведомым, настоящее в значении постоянного. Баланс реального и мистического сохраняется за счёт упоминания большого количества бытовых

деталей, подчёркивающих достоверность происходящего. Мифологические персонажи антропоморфны и подробно описаны внешне. Дидактическая часть прямо обозначена в тексте. Северная быличка фабульна, имеет кульминацию, дидактическая часть зашифрована в финале. Мифологический персонаж обозначен сжато, раскрывается через действия. Контраст реального и мистического достигается за счёт передачи рассказа о кульминационном событии в уста ребёнка, напряжение создаётся за счёт присутствия в реальном мире доказательств деятельности мистического существа, своеобразная «детективная» логика.

Диалектные особенности

Большинство быличек, являясь частью устного творчества жителей деревень, безусловно, обретают свою форму во многом благодаря диалектным особенностям рассказывающих.

В анализируемых текстах встречаются диалектное управление («Пошёл по лыко»), специфические союзы и частицы («дак», «де»), специфические для определённых местностей наименования («соседушко» — домовой), энклитики («никто-ко»)

Язык быличек и диалектная речь имеют общую семантическую основу, языковые единицы, использующиеся в качестве единиц языка былички, являются средствами диалектной речи; но в силу особенностей природы фольклорного произведения (ее принципиальной стереотипности), языковые единицы языка, во-первых, создаются в подавляющем большинстве на базе общих для носителей языка лексем широкой семантики, во-вторых, фольклорный смысл формулы часто не укладывается в рамки диалектного или литературного значения и имеют затекстовое значение.

Формирование обобщенного значения осуществляется следующим образом: конкретное переходит в разряд абстрактного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процесс нашей работы мы пришли к следующим выводам:

1. Быличка является сложным фольклорным явлением мифологического содержания, включающего представления об ирреальном явлении или персонаже, структура которой представляет собой достаточно устойчивую схему, включающую зачин (экспозицию), основную сюжетную часть и концовку, чаще всего ориентированную на подведение некоторого итога и имеющую практических: предупредительный или назидательный характер.

2. Textoобразование Пермских быличек непосредственно связано с традиционным мировосприятием и определяется категорией достоверности повествования, которая обуславливает наличие стилистических, грамматических и лексических особенностей жанра, в том числе повествование о первого лица или включение чужой речи для создания эффекта передачи информации из «первоисточника», конкретику в темпорально-локусной модели. В наибольшей степени с амбивалентным признаком достоверности оказываются связаны такие элементы повествования, как номинация персонажей, традиционные цветовой и числовой коды описания события, а также его локально-темпоральная характеристика.

3. Анализируя тексты пермских быличек, мы пришли к выводу, что выбор лексико-грамматических средств рассказчиком складывается в соотношении со всей сюжетной организацией. Яркой иллюстрацией этого явления может считаться замена наименования мифологического персонажа на синонимы до самого финала. Мы можем также утверждать, что канонические зачины быличек имеют не только традиционное значение, но и организационное: выбор в пользу отсутствия имён и упоминания при этом родственной связи обеспечивает лучшее погружение в устный текст и опять же отражает отношение автора к связи мистического, сокровенного опыта и опыта семейного.

4. Функция предупреждения и функция передачи знаний организуют последовательность событий в фабульных быличках и определяют темы описательных текстов. Былички, являясь фольклорным жанром, помогают в сжатой форме осуществить передачу между поколениями иррациональной составляющей человеческого опыта.

5. Язык быличек Прикамья и диалектная речь имеют общую семантическую основу, таким образом, лингвистической спецификой быличек Пермского края является близость к живой речи, что отображает особенность текстопостроения среднестатистического жителя данной территории, при этом отображая конкретные лингвистические особенности локуса.

6. Несмотря на то, что в языковом отношении былички близки обиходной речи, эти два явления различны в семантическом отношении, так как описывают различные ситуации: если в разговорном жанре информация состоит из повествования какого-то случая или однократной истории, то в фольклорном тексте суть сводится к рассказу о типических явлениях, которые традиционно происходят с людьми в определенных условиях, что подкрепляется языковыми особенностями, включающими устойчивые лексико-синтаксические структуры.

7. Соотношения народно-разговорной и фольклорной речи заключается в том, что значение слова фольклорного имеет сложную структуру, которая отличается от семантической структуры того же слова в литературном языке и в говорах. Мы можем увидеть два основных способа соотношения фольклорной семантики с семантикой литературного языка и диалекта:

- значение слова равно лексическому значению в литературном языке или в диалекте;
- сущность второго способа заключается в том, что в семантика слова расширяется до абстрактной;

Синкретизм былички заключается во включении фрагментов текстов иных жанров и сфер от традиционных форм фольклора, таких как сказка, до включений из прототекстовой среды.

7. В силу особенностей природы фольклорного произведения (ее принципиальной стереотипности), языковые единицы языка, во-первых, создаются в подавляющем большинстве на базе общих для носителей языка лексем широкой семантики, во-вторых, фольклорный смысл формулы часто не укладывается в рамки диалектного или литературного значения и имеют затекстовое значение.

8. С точки зрения территориального бытования и разницы в южных и северных быличках Пермского края, необходимо отметить что, южные тексты более развернуты, содержат множество описаний, в то время как, северные отличаются динамичностью сюжета и более ярким выражением элемента страшного (иррационального).

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований / Ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. М., 1980. С.156-249.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 338.
3. Арутюнова, Н. Д., Булыгина, Т. В., Кибрик, А. А. и др. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Ред. Т. В. Булыгина. М., 1992. С. 280.
4. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1997. С. 9.
5. Васильев, А. В. Числовые суеверия // Волжский вестник. №74. 1986. С. 6075.
6. Васильев, В. К. Типология жанров народной прозы. Красноярск, 1987. С. 106.
7. Васильева, О. В. О некоторых текстовых функциях имен цвета // Текст и его категориальные признаки / Ред. А. Н. Мороховский. Киев, 1989. С. 35-39.
8. Виноградова, Л.Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста // Живая старина, 2004. № 1.С. 12-13.
9. Виноградова, Л. Н., Толстая, С. М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / Ред. Н. И. Толстой. М., 1994. С. 16-44.
10. Волков, А. А. Композиция текстов массовой информации // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Ред. Н. А. Слюсарева. М., 1982. С.75-101.
11. Волков, С. В. Семантическая структура былички // Вестник Московского ун-та. Сер.9. Филология. №5. 1992, С. 91-95.

12. *Волоскова, С. Е.* Севернорусская быличка: структура текста; языковые характеристики жанра : Дис. канд. филол. наук : 10.02.01 : Санкт-Петербург, 2004. С. 8 - 266.
13. *Волоцкая, З. М.* Способы номинации в загадках // Структура текста / Ред. В. В. Иванов, Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. М., 1981. С. 96-99.
14. *Душечкина, Е. В.* Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995. С. 5-19, 256.
15. *Ефимова, Е. С.* Русский устный мифологический рассказ: Опыт структурного анализа: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1994. С. 16, 45-46.
16. *Зеленин, Д. К.* Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. М.: Наука, 1991. С. 510.
17. *Зеленин, Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки / Д. К. Зеленин; Институт славяноведения и балканистики РАН. — М.: Индрик, 1995. С. 430.
18. *Зиновьев, В. П.* Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974. С. 40-90.
19. *Зиновьев, В. П.* Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы населения Восточной Сибири. Новосибирск. 1987. С. 381-400.
20. КЛЭ. Т. 1. Стлб. 799.
21. Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX-XX вв. : сборник фольклорных материалов" Пермский образовательный НИЦ авитальной активности (ПОНИЦАА), 2004. С. 113.
22. *Левкиевская, Е.Е.* Мифологический персонаж: имя и образ // Славянские этюды. Сборник в честь С.М. Толстой. М., 1999. С.141.

23. *Лосев, А. Ф.* Диалектика мифа // Из ранних произведений. М., 1990. С. 655.
24. *Максимов, С. В.* Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. - Смоленск, 1995.
25. *Мелетинский, Е. М.* Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам VII: Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 365 / Ред. З. Минц. Тарту, 1975. С. 38-51.
26. *Мигунова, Е. Л.* К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве. СПб., 2002. С. 26.
27. *Мишанич, С. В.* Устные народные рассказы: Вопросы поэтики. Автореф. дисс. докт. филол. наук, М., 1988. С. 33.
28. *Мутина, А.С.* Народная сказочная проза и страшные истории с элементами быличек в среде детей. Ижевск, 2002. С. 49.
29. *Померанцева, Э.В.* Жанровые особенности русских быличек // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VI Международный съезд славистов. М., 1968. С.75-81.
30. *Померанцева, Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975(а). С. 192, 235-254.
31. *Померанцева, Э. В.* Русская устная проза. М., 1985. С. 271.
32. *Померанцева, Э.В.* Соотношение эстетической и информативной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора / Ред. Н. И. Кравцов. М., 1975(6). С. 75-81.
33. *Пропт, В. Я* Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. №4. 1964. С. 58-77.
34. *Разумова, И. А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 376.
35. *Разумова, И. А.* Сказка и быличка: Мифологический персонаж в системе жанра. Петрозаводск, 1993. С. 5-6, 108.

36. *Русинова, И. И.* Глагольные вербальные формулы в быличках севера Пермской области: Автореф. дис. канд. филол. наук. Пермь, 1996. С.18.

37. *Степичева, Т.С.* Полифоническая организация текста современной былички как результат трансформации традиционного жанра – ж. «Филология», вып.5, 2010 г. С. 44-46.

38. *Санникова, О. В.* Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор: Верования, текст, ритуал / Ред. Н. И. Толстой. М., 1994. С. 44-84.

39. *Харузина, В.Н.* Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности // Ученые записки Института истории РАНИОН, 1929. Т. 3. С. 47-57.

40. *Черепанова, О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 169.

41. *Черепанова, О. А.* Очерк традиционных народных верований Русского Севера // Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О. А. Черепанова. СПб., 1996 (б). С. 113-181.

42. *Черепанова, О. А.* Предисловие // Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О. А. Черепанова. СПб., 1996 (а). С. 3-6.

43. *Шумов, К. Э.* Современное состояние былички в Северном Прикамье. Опыт машинного анализа сюжетного состава локальной традиции: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993. С. 16, 210-218.

Электронные ресурсы

44. *Богатырев, П. Г.* название работы
<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/toporkov.pdf>

45. *Веселовский, А. Н.*
<http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=987>

46. *Неклюдов, С. Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание» традиции // *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика Публикации*. URL: www.ruthenia.ru/folklore